

Russian Journal of Legal Studies

Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7448
2020. 7(1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russian Federation (Editor in Chief)

Polyakova Lybov – International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA (Deputy Editor-in-Chief)

Biryukov Pavel – Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

Katorin Yurii – Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint-Petersburg, Russian Federation

Kulish Anatoly – Sumy State University, Sumy, Ukraine

Nevostruev Andrew – Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Khasimova Leisan – Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef, OAJI, MIAR, ERIH PLUS**

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska
str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak
Republic, 831 04

Release date 20.03.20
Format 21 × 29,7/4.

Website: <http://ejournal25.com/>
E-mail: birukovpn@yandex.ru

Headset Georgia.

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o. Order № 10.

© Russian Journal of Legal Studies, 2020

Russian Journal of Legal Studies

2020

Is.

1

CONTENTS

Articles and Statements

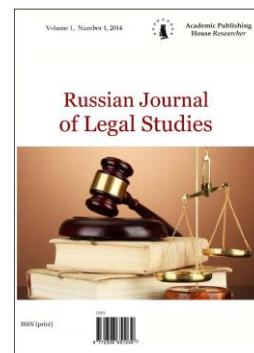
Patentability Issues in International Law A. Chufinev	3
Impossibility of Surrender or Impossibility to Fulfill the Contract A. Lotfi Dodrān, S.M. Asadinejād, S.M. Asadinejād	9
Cultural and Humanitarian Aspects of Uzbek-Afghan Relations S.A. Juraev	17
On the Simplified Models of Legal Understanding for Teaching Legal Knowledge in Russia D.A. Kirillov, E.G. Sechenova	29
Political and Legal Status of International Organisation: Modern Problems S. Krasov, Ya. Tikhonov	37
The Rights of Some of the Most Vulnerable Groups in International and National Law S.E. Smirnykh	47

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2020, 7(1): 3-8

DOI: 10.13187/rjls.2020.1.3
www.ejournal25.com

Articles

Patentability Issues in International Law

Alexander Chufinev^{a, *}

^a Independent researcher, Russian Federation

Abstract

The article deals with intellectual property law. To date, protection of rights to intellectual property can be carried out in accordance with national, regional or international systems of protection. Particular attention is paid to the right to the invention. Patentability conditions, in turn, vary depending on the chosen system. This article discusses the current problems of patentability on the example of regional systems, as well as national law of the Russian Federation and Germany. The author also highlights relevant international legal issues, as well as practical and moral aspects. The author analyzes the norms of international and national law. The competence of the EAEU in the field of intellectual property protection is actively developing. On September 9, 2019, the Protocol on the Protection of Industrial Designs to the Eurasian Patent Convention was adopted. It became the basis for the creation of the Eurasian system of legal protection of industrial designs. EAEU law development issues are also the subject of this study.

Keywords: International Law; patent law; patentability; European Union; Eurasian Economic Union.

1. Введение

Вопросы патентоспособности «являются открытыми» на сегодняшний день для науки международного права. Они актуальны как для дискуссии ученых-международников ([Aktual'nyye voprosy, 2017](#); [Biriukov, 2019](#); [Kondrat'yeva, 2014](#)), так и для практики широкого круга компаний из научно-производственного сектора различных государств. Именно НПО и инновационные компании зачастую бросают «вызовы» сложившемуся правопорядку, являясь объективным «двигателем» не только научного прогресса, но и развития права.

Так, в 2019 г. учёный в КНР был приговорён к трём годам лишения свободы и штрафу 3 миллиона юаней за проведение эксперимента с рождением близнецов из генетически модифицированных эмбрионов. Один из его соучастников получил два года лишения свободы и штраф в 1 миллион юаней, второй - 1,5 года и штраф в 500 тысяч юаней ([Pereshli vse granitsy, 2019](#)). Ситуация, когда жажда научного открытия выходит за рамки права, ставит проблему допустимости научных экспериментов.

* Corresponding author
E-mail addresses: a.chufinev@runail.ru (A. Chufinev)

2. Материалы и методы

В статье были использованы как теоретические, так и нормативные источники, которые необходимы для постановки проблемы патентоспособности в международном праве. При написании работы были использованы разные методы. В их числе: сравнительно-правовой, анализ, формально-логический и иные методы. Использование данных методов позволяет определить, как разрешить вопросы, возникшие в науке международного права и патентного права.

3. Обсуждение

В соответствии с рекомендациями ВОИС (WIPO), подобными свойствами являются следующие факты. Изобретение должно:

а) обладать новизной, некоей особенностью, которая в данный момент не известна из имеющихся знаний (т.н. «уровня техники»);

б) быть «неочевидным». Это означает, что оно не может быть явно выведено лицом, которое обладает обычными знаниями. Таким образом, речь идет об «изобретательском уровне»;

в) быть промышленно применимым. Иными словами, возможность применения изобретения в промышленности, быть общественно полезным. Патентоспособность определяется по национальному законодательству. Интересно отметить, что во многих странах таковыми не считаются научные теории, решения, направленные на удовлетворение эстетических потребностей, математические методы, сорта растений или породы животных, открытия веществ, уже существующих в природе, методы выполнения коммерческих операций, методы медицинского лечения (в отличие от лекарственных препаратов);

г) изобретение должно быть раскрыто в заявке ясно и полно, чтобы любое лицо, обладающее обычным уровнем знаний в соответствующей технической области, могло его воспроизвести.

Характерной особенностью международного патентного права является его ярко выраженный территориальный характер (Bryer, Lebson, Asbell, 2011). На сегодняшний день охрана прав может осуществляться в соответствии с национальной, региональной или международной системами (Jaeger, Luginbuehl, 2011). Условия патентоспособности в каждой из них несколько различаются, что и требует детального изучения как международно-правовых вопросов, так и права зарубежных государств в данной области.

В ст. 45 Договора о патентной кооперации 1970 года установлена возможность создания региональных патентных систем. К настоящему времени сложились три подобные системы: Африканская региональная организация по интеллектуальной собственности; Европейская патентная система; Евразийская патентная система (Territorial'naya priroda, 2002).

Последняя организована в соответствии с Евразийской патентной конвенцией 1994 года. На основании ст. 6 Конвенции евразийский патент выдается на изобретение, которое является новым, имеет изобретательский уровень и промышленно применимо.

Согласно ст. 52 Конвенции о выдаче европейских патентов 1973 г., патенты выдаются на изобретения во всех областях техники, которые являются новыми, промышленно применимыми и имеют изобретательский уровень. В выдаче будет отказано, если:

1. Коммерческое использование изобретения противоречило бы общественному порядку или морали. При этом не может рассматриваться как противоречие порядку и морали только потому, что оно запрещено нормативными актами государств;

2. Объектом являются сорта растений, породы животных и биологические способы их выведения. Данное положение не применяется к микробиологическим способам или продуктам, которые могут быть получены указанными способами;

3. Способы лечения людей или животных с помощью хирургии или терапии, а также методы диагностики, применяемые для людей или животных. Указанные правила не применяются к продуктам, веществам или составам, которые используются в этих способах или методах.

В соответствии со ст. 4 и 5 Директивы Европарламента и Совета 98/44/ЕС от 6 июля 1998 года закреплено, что патентоспособными не являются: а) сорта растений и виды животных; б) преимущественно биологические процессы для производства растений или животных; в) тело человека на разных этапах его формирования и развития.

В ч. 1 ст. 6 содержится общее правило, касающееся того, что изобретения считаются непатентоспособными при условии, что их коммерческое использование противоречит публичному порядку или морали. Но подобного рода использование не должно считаться противоречащим лишь на том основании, что оно запрещено нормативным правовым актом. Ч. 2 той же статьи конкретизирует перечень объектов, которые не могут быть признаны патентоспособными.

В законе ФРГ под патентоспособностью считается «юридическое свойство объекта, определяющее его способность к охране документом исключительного права (патентом) на территории конкретной страны в течение срока действия патента» (*Germanskiye zakony, 2017*).

Однако могут быть запатентованы лишь такие изобретения, касающиеся растений и животных, технические возможности которых не ограничены определённым сортом растений или видом животных, и элемент, выделенный из человеческого тела или произведённый иным образом посредством технического процесса, включая последовательность или частичную последовательность генов (*Luginbuehl, 2011*).

Д.В. Пономарева отмечает, что практика ЕС отличается от американской. В США в некоторых случаях «можно запатентовать человеческий ген, а в ЕС это сделать невозможно» (*Ponomareva, 2019: 167*).

1 января 2015 года вступил в силу Договор о создании ЕАЭС. Согласно п. 24 приложения № 26 к Договору право на изобретение, полезную модель и промышленный образец охраняется в том порядке, какой установлен законодательством страны. В настоящий момент активно развивается компетенция ЕАЭС в этой области. Так, 9 сентября 2019 г. был принят Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции. Он стал базой для создания евразийской системы правовой охраны промышленных образцов.

После вступления в силу Протокола евразийский патент на будет действовать на территории государств-участников. Заявку на получение можно будет подавать сразу в Евразийское патентное ведомство, уплачивая единый набор пошлин.

В настоящее время ведутся как научные дискуссии (*Mikhaylov, Ponomareva, 2017*), так и практические конференции по вопросам дальнейшего развития «Союзного» режима по охране интеллектуальной собственности.

В области патентования экспертами особо отмечается важность вопроса критериев патентоспособности (*Glotov i dr., 2017*). Обращается, в частности, внимание на возможность патентования диагностических, терапевтических и хирургических методов лечения является положением ТРИПС-плюс.

На национальном уровне политика государств в данном вопросе различна. Например, объектами патентных прав в отдельных странах могут быть: методы диагностики; способы модификации генетической целостности клеток зародышевой линии человека; способы клонирования человека; использование человеческих эмбрионов в промышленных и коммерческих целях; лечение людей и животных (*Galiakberov, 2015*). Кроме того, следует учитывать проходящие на международном уровне обсуждения норм по введению дополнительных условий патентования (*Novoselova, Rozhkova, 2014*).

В РФ условия патентоспособности закреплены в части 4 ГК РФ. Как известно, важнейшими условиями патентоспособности являются: а) новизна; б) изобретательский уровень; в) промышленная применимость.

Условия патентоспособности зачастую являются предметом патентных споров. Оспаривание потенциальным правообладателем отказа в выдаче патента: а) на как промышленно неприменимое техническое решение; б) ввиду отсутствия новизны технического решения.

Схожим образом регламентированы условия патентоспособности в зарубежных государствах.

Так, в ФРГ условия патентоспособности закреплены в Патентном законе (*Patentgesetz*). По закону патент выдаётся на изобретения, если они: обладают новизной, основаны на изобретательской деятельности и имеют промышленную применимость. К примеру, предметом изобретения должен быть продукт, состоящий из биоматериала, либо если предметом был способ производства, обработки или применения биоматериала.

Непатентоспособными являются следующие предметы:

1. Тело человека, в т. ч. эмбриональные клетки, а также простое открытие какого-либо его элемента, в т. ч. секвенцию секвенцию гена;

1.1. Изобретения, промышленное применение которых может привести к нарушениям порядка и норм морали. При этом нарушение не может основываться лишь на том обстоятельстве, что изобретение запрещено нормами права;

1.2. Изобретения, касающиеся: а) способа клонирования человека; б) способа изменения генетической идентичности человека; в) использования эмбрионов человека в коммерческих целях; г) способа изменения генетической идентичности животных, способного причинить им страдания, не принося существенных медицинских благ людям или животным;

2. Изобретения, касающиеся: а) сортов растений, пород животных и биологических способов селекции животных или растений и исключительно такими способами произведенных растений и животных; б) методов хирургического или терапевтического воздействия, которое оказывается на тело человека или животного, или методов диагностики. Такое положение не распространяется на продукты, в том числе материалы и их комбинации, которые используются в указанных случаях (*Germanskiye zakony, 2017*). Из правил, которые установлены в Patentgesetz, есть исключения. Кроме того, в ФРГ действует Закон о защите эмбрионов (*Embryonenschutzgesetz*), который имеет решающее значение для решения об отказе в выдаче патента.

Интересным направлением научных дискуссий является патентоспособность изобретений, созданных юнитом ИИ (*Biriukov, 2019b; Morkhat, 2018*). В рамках вопроса рассматривается возможность придания специальной правосубъектности юнитам, с точки зрения права интеллектуальной собственности. Авторы делают вывод о неспособности современной системы защиты объектов интеллектуальной собственности обеспечить адекватное регулирование данной сферы отношений. Более того, очевидна проблема патентования собственно технологий искусственного интеллекта, которая также стоит достаточно остро перед международным правом.

Вопрос остаётся также в том, что понимать под «общественными интересами, принципами гуманности и морали»? Указанные основания для отказа в выдаче патента закреплены во многих актах как международного, так и национального права. Иншакова О.А., Рыженков А.Я. и Богданова Т.Д. пишут следующее: «Полагаем, что общественным интересам, принципам гуманности и морали противоречит всё, что способно оказать вредные последствия на будущие поколения людей, животных всех родов и видов, растений, на планету Земля и космическое пространство, привести к экологическому дисбалансу, падению нравов» (*Inshakova i dr., 2015: 31*). Решение этого вопроса лежит на законодателе.

4. Результаты

В результате проведённых исследований можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, в данный период сложились три патентные системы: национальная, региональная, регулируемая на основании договоров, заключённых несколькими странами (Европейская патентная конвенция, Евразийская патентная конвенция и Соглашение о создании Африканской региональной организации по охране промышленной собственности) и универсальная (Парижская конвенция).

Во-вторых, во всех нормативных документах закреплено, что изобретение, промышленный образец или полезная модель не обладает патентоспособностью, если они противоречат принципам гуманности и морали. Однако ни в одном из документов не указано, что в том или ином правопорядке понимается под «гуманностью» или «моралью». Данный вопрос во многих странах разрешается судами.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что на международном уровне следует закрепить, что необходимо понимать под «общественными интересами, принципами гуманности и морали». Считаю, что наиболее подходящим понятием будет определение, которое составили Иншакова О. А., Рыженков А. Я. и Богданова Т.Д. (*Inshakova i dr., 2015*). В указанном случае лучшим будет указание того, что противоречит морали и гуманности, с добавлением пункта, который содержит норму, в соответствии с которой государства-участники конвенции могут закреплять в национальном законодательстве дополнительные основания для отказа в

регистрации изобретения, промышленного образца или полезной модели. До урегулирования вопроса о патентоспособности на международном уровне нужно принять акт о вышеуказанном регулировании на межрегиональном уровне – в нашем случае, на уровне государств-членов ЕАЭС.

В остальном же правовое регулирование патентоспособности на национальном и межрегиональном уровнях соответствует тем нормам, что закреплены на международном уровне.

Нужно пересмотреть основания для отказа в регистрации изобретений, промышленных образцов и полезных моделей для того, чтобы в дальнейшем избежать подобных экспериментов со стороны как медицинских работников, так и т.н. «парамедиков» (лиц, не имеющих медицинского образования, но оказывающих соответствующие услуги «народными» методами).

Отказ в виду нарушения принципов гуманности и морали следует расширить в толковании – под соответствующим нарушением следует понимать создание такого рода «аппаратов», которые созданы на основании парамедицинских и (или) ненаучных методов, а также не могут вылечить заболевшего (или даже наоборот ухудшают здоровье последнего).

References

[Aktual'nyye voprosy, 2017](#) – Aktual'nyye voprosy intellektual'noy sobstvennosti dlya predprinimateley: Rekomendatsii dlya predprinimateley i organov vlasti [Actual issues of intellectual property for entrepreneurs: Recommendations for entrepreneurs and authorities]. 13th ed. International Chamber of Commerce. 2017. 126 p. [in Russian]

[Biriukov, 2019a](#) – *Biriukov, P.N.* (2019). Pravo intellektual'noy sobstvennosti. 3-ye izd., per. i dop. Uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Intellectual Property Law. 3rd ed., Trans. and add. Textbook and workshop for academic undergraduate]. M.: Izdatel'stvo Yurayt, 315 p. [in Russian]

[Biriukov, 2019b](#) – *Biriukov, P.N.* (2019). Deyatel'nost' SSHA v sfere ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta [US activities in the use of artificial intelligence]. *Vest-nik VGU. Seriya Pravo*. № 3. Pp. 324-334. [in Russian]

[Bryer et al., 2011](#) – *Bryer, L., Lebson, S., Asbell, M.* (2011). Intellectual Property Operations and Implementation in the 21st Century Corporation. 336 p.

[Embryonenschutzgesetz](#) – Gesetz zum Schutz von Embryonen (1990). [Electronic resource]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/eschg/BJNR027460990.html>

[Galiakberov, 2015](#) – *Galiakberov, A.S.* (2015). Mezhdunarodno-pravovaya okhrana izobreteniy, poleznykh modeley i promyshlennykh obraztsov na regional'nom urovne : dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.10. [International legal protection of inventions, utility models and industrial designs at the regional level: the dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.10]. Kazan, 24 p.

[Germanskiye zakony, 2017](#) – Germanskiye zakony v oblasti prava intellektual'noy sobstvennosti. Per. s nem. [Bergmann, vved., sost.]; nauch. Red. T.F. Yakovleva. [German Intellectual Property Laws; trans. with ger. [Bergmann, introduction, comp.]; scientific ed. T.F. Yakovleva]. M.: Infotropic Media, 2017. [in Russian]

[Glotov i dr., 2017](#) – *Glotov, S.A., Gubin, A.N., Slepko, G.Ye., Gubin, M.A.* (2017). Prikladnyye problemy optimizatsii zashchity intellektual'noy sobstvennosti v YEAEES i Rossiyskoy Federatsii. Sovremennyye informatsionnyye tekhnologii i IT-obrazovaniye [Applied problems of optimizing the protection of intellectual property in the EAEU and the Russian Federation. Modern Information Technologies and IT Education]. № 3. 304 p. [in Russian]

[Inshakova i dr., 2015](#) – *Inshakova, A.O., Ryzhenkov, A.Ya., Bogdanova, T.D.* (2015). Pravovaya zashchita biotekhnologiy v RF: preimushchestva patentovaniya i kriterii patentosposobnosti [Legal protection of biotechnologies in the Russian Federation: patenting advantages and patentability criteria]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya*. № 3 (28). Pp. 26-34. [in Russian]

[Jaeger, Luginbuehl, 2011](#) – *Jaeger, T., Luginbuehl, S.* (2011). European patent law: towards a uniform interpretation. *China-EU Law Journal*. T. 1. № 1-2. Pp. 131-136.

[Kondrat'yeva, 2014](#) – *Kondrat'yeva, Ye.A.* (2014). Ob"yekty intellektual'nykh prav: osobennosti pravovoy okhrany [Objects of intellectual rights: features of legal protection]. M.: Statute. 160 p. [in Russian]

Luginbuehl, 2011 – Luginbuehl, S. (2011). European patent law: towards a uniform interpretation. Edward Elgar, Cheltenham, 333 p.

Mikhailov, Ponomareva, 2017 – Mikhailov, S.V., Ponomareva, N.V. (2017). O nekotorykh voprosakh unifikatsii ponyatiyno-kategorial'nogo apparata i protsedur registratsii ob"yektov intellektual'noy sobstvennosti v natsional'nom zakonodatel'stve gosudarstv – chlenov Yevraziyskogo ekonomicheskogo Soyuza [About some issues of unification of the conceptual-categorical apparatus and procedures for registration of intellectual property in the national legislation of the Member States of the Eurasian Economic Union]. *Yurist'-Pravoved.* № 3 (82). Pp. 188-193. [in Russian]

Morkhat, 2018 – Morkhat, P.M. (2018). Problemy patentovaniya izobreteniy, sozdannykh yunitom iskusstvennogo intellekta [Problems of patenting inventions created by the unit of artificial intelligence. Act and Law]. *Zakon i pravo.* № 3. Pp. 40-43. [in Russian]

Novoselova, Rozhkova, 2014 – Novoselova, L.A., Rozhkova, M.A. (2014). Intellektual'naya sobstvennost': nekotoryye aspekty pravovogo regulirovaniya: monografiya [Intellectual property: some aspects of legal regulation: monograph]. M.: Norma, INFRA-M. 128 p. [in Russian]

Ponomareva, 2019 – Ponomareva, D.V. (2019). Patentovaniye chelovecheskikh genov: sudebnaya praktika Soyedinonnykh Shtatov Ameriki, Kanady i Avstralii [Patenting of human genes: judicial practice of the United States of America, Canada and Australia]. *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava.* № 9 (106). Pp. 166-173. [in Russian]

Patentgesetz – Patentgesetz (2020). [Electronic resource]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/patg/inhalts_bersicht.html

Pereshli vse granitsy – «Pereshli vse granitsy»: sozdatel' GM-detey popal v tyur'mu ["Crossed all borders": the creator of GM children went to jail]. [Electronic resource]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/12/30_a_12891218.shtml [in Russian]

Territorial'naya priroda, 2002 – Territorial'naya priroda intellektual'noy sobstvennosti (2002). Publikatsiya VOIS «Intellektual'naya sobstvennost' v Internet: obzor problem» [The territorial nature of intellectual property. WIPO Publication “Intellectual Property on the Internet: An Overview of Problems”]. [in Russian]

WIPO – WIPO (2020). [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/patents/ru>

Проблемы патентоспособности в международном праве

Александр Чуфинеv^{a, *}

^a Независимый исследователь, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена праву интеллектуальной собственности. На сегодняшний день защита прав интеллектуальной собственности может осуществляться в соответствии с национальными, региональными или международными системами. Условия патентоспособности, в свою очередь, варьируются в зависимости от выбранной системы. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы патентоспособности на примере региональных систем, а также национального законодательства России и Германии. Автор также освещает актуальные международно-правовые вопросы защиты патентных прав. Автор анализирует нормы международного и национального права. Активно развивается компетенция ЕАЭС в области защиты интеллектуальной собственности. 9 сентября 2019 г. был принят Протокол об охране промышленных образцов к Евразийской патентной конвенции. Это стало основой для создания евразийской системы охраны промышленных образцов. Вопросы развития права ЕАЭС также являются предметом данного исследования.

Ключевые слова: международное право; патентный закон; патентоспособности; Евросоюз; Евразийский экономический союз.

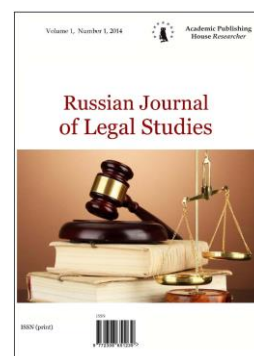
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: a.chufinev@runail.ru (A. Chufinev)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2020, 7(1): 9-16

DOI: 10.13187/rjls.2020.1.9

www.ejournal25.com

Impossibility of Surrender or Impossibility to Fulfill the Contract

Alirezā Lotfi Dodrān ^{a, *}, Seyedeh Maryam Asadinejād ^b, Seyed Mohammad Asadinejād ^c

^a Islamic Azad University of Adabil, Iran

^b Institute of Higher Education of Ahrar, Iran

^c University of Guilan, Rasht, Iran

Abstract

The item of transaction is either a property (like goods) or an action (doing the work), and the promisor should surrender the property that is being traded and he must fulfill the action if the item of transaction is an action. If at the time of the conclusion of the contract, there is no power to surrender the sold good or the promisor had no power for doing the action, the contract is void from the outset because of its risk. However, if for example, the seller had the power to surrender and the promisor also had the ability to do the action from the beginning, but after the contract he has failed to surrender the item of transaction or do the action permanently and absolutely due to the fault or accidentally; in this case, the contract was correct from the beginning until the time of incapability. However, when they fail to surrender, the contract is dissolved or terminated. Therefore, the contract will not be voided if the impossibility of surrender or impossibility in the fulfillment of the contract is temporary. Rather, it brings the impossibility of surrender for the beneficiary. Considering the fact that the legislator did not use the term of the option of impossibility of surrender, so there is a dispute on the right to terminate the contract in this respect, however, it can be understood from studying some of the regulations of this sentence.

Keywords: permanent impossibility of surrender, temporary impossibility of surrender, dissolution of the contract, the option of impossibility of surrender.

1. Introduction

The contract does not require surrendering the price and possessing the sold good, rather the sold good is concluded by the offer and acceptance. For this reason, the article 338 of the Iranian Civil Code prescribes: "the sold good is owning an object which is exchanged with a known object". In this article, the conclusion of the sale contract has not been conditioned to surrendering the sold good; however, if it turns out that the seller does not have the power to surrender, and the customer also has no power to possess, the sale is void. This is due to the fact that the requirement of the contract is the surrender of the contract's item and if the requirement of the contract is not met, it will not actually be accomplished. Of course, if the seller has no power to surrender and the customer has the power to possess, and in this way the requirement of the contract has been met, the contract would have no disruption. Also, if the contract's item is doing an action, and the promisor is not able to do that action, the contract is void. The void of the contract in such cases is due to the risk of the transaction. If the inability in surrendering or inability in doing the

* Corresponding author

E-mail addresses: A.lotfi.d@yahoo.com (A. Lotfi Dodran), med88.asadinejad@gmail.com (S. Maryam Asadinejad), asadinezhad@guilan.ac.ir (S. Mohammad Asadinejad)

commitment in the original contract and the fulfillment of the condition were not permanent, so what would be the right of the promise in the original contract and what would be the right of the one in whose favor a condition is made in the conditional contract?

This paper investigates the types of the impossibility of surrender and the impossibility of fulfillment of the contract, and it also discusses the effects of the permanent and temporary impossibility of surrender and their sentences. The main question is about the cases where the impossibility of surrender is in the original contract and the conditional contract. If the impossibility of surrender has been on the proviso, and the condition is doing an action or the result, the warranty of the fulfillment of the lack of condition or the impossibility of the condition should be acted based on the sentences and regulations of the provisos.

2. Materials and methods

The study was done on the basis of the general and specific scientific methods of cognition including the dialectical method, analysis and synthesis, deduction and induction, comparative legal and historical-legal method. The materials included the texts of the Iranian Civil Code and the legal interpretations whose content were scrutinized and analyzed carefully.

3. Discussion

3.1. The concept of surrender

The surrender means giving up and handing over and saying hello (Dekhoda, 1374: 4). The idiomatic meaning of surrender is not far from the literal meaning. In its infinitive form, surrender means delivery of the sold good. This is done by the seller until the customer receives it or he possesses it. The legislator has enacted regulations from the articles 370-390 regarding the surrender. In these regulations, both the terms surrender and possession and the terms taking delivery and handing over have been used. Taking delivery is literally the opposite of expansion, in the same way as the contraction is opposite of expansion. It means getting the property, and even it could mean accepting the commodity without getting it (Ebn Manzor, 1410: 214). Article 367 of the Civil Code, also prescribes: Surrendering is delivering the sold good to the customer in a way that he could capture and use it. Taking delivery is the customer's dominance over the sold good. Article 368 of the Civil Code has also made the concept of surrender clearer: when the sold good has been made available to the customer, this results in the surrendering, although the customer has not yet actually possessed it.

3-2. Surrendering the sold good and performing the action

No doubt as a result of the sale contract, the sold good is any more in the possession of the seller and it becomes the customer's property (Article 338 of the Iranian Civil Code). So, if the surrender and possession of the sold good is possible, it is not necessary the surrender and possession happens while contracting. In other words, surrendering and possessing the sold good are not a condition of the validity of a contract, although, at the end and in any case, the sold good and the money must be exchanged and the two parties must achieve their principal and direct purpose, as in fact, such a purpose is also the cause of the commitment. The cause of the commitment is the direct purpose of the parties from the contract. The objective of the seller is to gain access to the property (the sold good) and possessing it. So, one of the seller's duties is to surrender and deliver the sold good to the buyer. If the seller fails to accomplish this duty or the buyer does not have access to the sold good under any circumstances, in this case, the continuance of the contract would be challenged. The direct purpose of the seller is also to access the money after the contract. If the buyer fails to pay the price, then the contract is also challenged. If the contract's item was not any good but an action and doing the action, and the obligor cannot fulfill his commitment, again the continuation of the contract is challenged.

3.3. The nature of surrendering and receiving

After the sale contraction, it is obligatory to surrender and handing over, that is, each party should obligatorily surrender what the other party deserves, although the surrender process is most likely done by the seller. For this reason, some jurists believe that the price entitlement is based on surrendering the sold good, therefore the seller should obligatorily surrender the sold good in order to be entitled to receive the money (Sheikh Tousi, 1411: 151). But the fact is that the power and effects of the contract on the seller and the customer are the same. Neither party has more rights. Rather, their rights and duties are the same unless there is a condition to the contrary.

Therefore, if both parties refused to surrender, they should be forced so that the surrender and receipt could be realized (Alamah Helley, 1419: 87; Mokhtalef, 1419: 291; Tazkareh, 1419: 473; Tahrir, 1419: 175; Karkey, 1411: 403; Shahid aval, 1417: 210). Because every contract requires surrender and receipt, generally any exchange involves a conformity signification or conformity obligation and also implied obligations. Surrender is one of the implied obligations (Na'ini, 1418: 188). However, some believe that surrender is the unilateral legal act (Shahidi, 1370: 14), while surrendering is one of the effects of the contract.

The customer is entitled to receive the sold good not because he owns it, but because the nature of the contract requires that the seller surrender the sold good. In fact, the conformity signification is the alternative contract which has been included in Article 338 of the Iranian Civil Code: the sale is owning the object which is exchanged with known object. It indicates the nature of the contract and its implied signification is surrendering and possession, because the nature of the contract may be fulfilled without surrender or it may not be possible to surrender even for a limited period of time.

Therefore, surrender is not a unilateral legal act because without the actual surrender, the customer is entitled to receive and even the legislator has authorized him to proceed with the receipt of the sold good without the authorization of the seller. In this regard, the article 374 of the Iranian Civil Code provides: Proceeding with the receipt is not conditioned to the authorization of the seller and the customer could receive the sold good without permission. In addition, it is important to note that power is not relevant to the surrender, but has the instrumentality over it. So if the seller does not have the power to surrender but the customer has the power to receive, in this case, the contract would not be disrupted. It can even be said that if the third party surrenders the sold good to the customer, there would be no disruption in the contract. It is necessary to explain that in some contracts the surrender and possession must be accomplished along with the offer and acceptance. In other words, in some contracts, taking delivery and handing over are required for the validity of the contract. As a result, the transfer is also done by surrendering, and there is no transfer until the surrender is made. In this regard, the article 364 of the Civil Code provides: In an optional sale, the ownership occurs during the sale contract, not from the time of the termination of the option, and in a sale whose validity is conditioned to the reception (of good), like gold, silver and money exchange, the ownership is conditioned to the transfer during the acquiring, not during the occurrence of sale.

3.4. Power to surrender

Although the contract of sale is one of the possessory contracts; however, it compliments and supplements taking delivery and handing over of this ownership. The validity and continuance condition of the contract is surrendering the sold good, so if there is no power to surrender, the contract is void from the outset, and if there is the power to surrender, but, it has been lost permanently for whatever reason, the contract would be dissolved from the time of the permanent inability. If it is said that the contract is void, it would be in the form of negligence as the legal dissolution happens any way.

Based on the rule of the nullity of the contract because of the impossibility of the fulfillment of significance (Mohaqqeq Damād, 1380: 145), this consists of all types of commitments, including the object itself or the performance of action. It might be said that the main reason and basis of the nullity of the contract is the lack of power to surrender the sold good which is in fact the ascertainment of the lack of capability of being owned (of the contract item). Whereas if the basis and criterion of the nullity of the lack of capability of being owned is having the sold good, then the seller must have the power to surrender it at the time of the contract. While in the Islamic jurisprudence and law, the necessity and power to surrender is not required at the time of the contract, but the necessity of surrender and the power to surrender is when the customer is entitled, which may be later after the contract. Moreover, if this theory is to be accepted as the basis of the nullity of the contract, then the issues of waste in the exchange liability rule (if the total of the sold good is lost before receipt, it is compensated from the seller's property) would be meaningless.

Also, if it was usurped property, it would lose its capability of being owned due to the impossibility of being received, and in this case the compulsion of the usurper would not be possible. Because it is better to consider the power of surrender focused on the contracting parties (Khansari, 1394: 129). The condition of ownership is more important than the ownership, not the

condition of capability of being owned, as what is transferred to the other party is the ownership, not the capability of being owned.

Therefore, it is better to justify the nullity of the transaction on the basis of the risk of transaction due to the inability to surrender the sold good, i.e., the risk or uncertainty of the possibility of surrender because it might be the case that one of the two sale items cannot be surrendered (Naraq, 1414: 96). In this case, the knowledge of the parties would be evaluated because they must be convinced or at least they should be suspicious about the power to surrender. Consequently, if the parties are skeptical about the power to surrender or the possibility of surrendering the sold good and the price, the transaction is void because of being risky. For this reason, if the proviso is not possible to surrender, this condition would be void due to its riskiness without disruption of the original contract. Of course, if a person in whose favor a condition is made has been uninformed about the nullity of such a condition, he would only be entitled to terminate the original contract.

3-5. The effects of the surrender in the Iranian law system

According to the Iranian law system, the seller has the exchange liability until the sold good has not been surrendered to the buyer. An exchange liability means the seller's liability on the destruction of the sold good. In the legal system of some countries, the exchange liability would be transferred to the customer with the sale contract along with the offer and acceptance. Consequently, if the sold good is wasted as a result of the celestial corruptions before surrendering to the buyer, the seller is not guarantor and he would have no responsibility. But according to the Iranian law system, the seller is guarantor from the time of the contract until the time of surrendering the sold good, even though the sold good is wasted due to the celestial corruption or it could not be surrendered. This means that if he (the seller) has received the price, he must return it to the buyer. Therefore, one of the most important effects of surrendering in the Iranian law system is the transfer of the exchange liability to the buyer.

3-6. The concept of the impossibility of surrender or impossibility to fulfill a commitment

The discussion on the option for the impossibility of surrender or impossibility to fulfill a commitment is accomplished when the impossibility is emerged after the contract, or in other words, to be incidental. In such case, the reciprocal justice and preventing the loss of promisee requires that he would be entitled to terminate the contract, so that he could get rid of the contractual constraints whose economic equilibrium has been disturbed and it is no more advantageous for him (Safa'i, 1395: 316). Therefore, it is clear that the impossibility of surrender is when the promisor has no power to surrender and the promisee also has no power to possess. In such a case, the contract would be terminated by force, and no longer has the option for the impossibility of surrender left any right for the termination of the contract.

3-7. The Cases of impossibility of surrender

As stated before, this option is not relevant in the cases that there is no power to surrender and the power to possess. Because this option is only useful in the cases that the contract remains valid. However, the contract is void basically in the cases that the seller does not have the power to surrender.

3-7-1. Non-fulfillment of the condition

If the present condition is included in the contract of the sale, and the person who is responsible to perform the condition does not act based on the condition or is unable to fulfill the condition, then the person in whose favor the condition is made will have the right to terminate the contract. Article 240 of the Iranian Civil Code prescribes: If it becomes impossible to make a condition after the contract has been concluded or it becomes clear that it is impossible at the time of contracting, the one in whose favor the condition is made has the authority to terminate the transaction unless the refusal is based on the act of the person in whose favor the condition is made. Furthermore, in any case that the person who is responsible to perform the condition fails to fulfill the condition and his compulsion is not possible, then based on the Articles 238 and 239 of the Iranian Civil Code, the option of termination will be for the person in whose favor the condition is made. Article 238 of the Civil Code prescribes: whenever an action is stipulated in a contract as a condition and the compulsion of the obligor to do it is impossible, the judge can provide the possibility to do the action at the expense of the obligor.

Article 239 of the Civil Code prescribes: whenever it is not possible to compel the person who is responsible to perform the condition, to do the conditional act, and the conditional act is an

action that nobody can perform it instead of him, therefore the other party will have the right to terminate the transaction. In some cases that the person in whose favor the condition is made has the right to terminate the contract directly; there is no need for the court order. Also, in the cases that it is not possible to do the work or do the conditioned item at the expense of the obligor, the person in whose favor the condition is made has the right to terminate the contract directly.

Article 379 of the Civil Code provides an example to explain: If the customer is committed to provide a mortgage or guarantor to pay the price, but he fails to fulfill the condition, the seller will have the right to terminate the contract. However, if the seller has committed to provide guarantor for the compensation of the sold good, and do not fulfill it, in this case the customer has the right of termination of the contract.

3-7-2. Incomplete or partial waste of the sold good before surrendering

If a part of the sold good is wasted, if the price of that wasted part is devisable, so the contract is terminated considering the wasted part. In such cases, different parts of the price are devoted to the different parts of the sold good. Therefore, each part of the sold good is considered as a specific sold good and the unique contract is divided into the multiple contracts and each one is independently subject to the prophet's narration ([Hadith](#)) as "the total of the sold good is wasted before receipt." The whole is generalized to all these that has been broken down. For this reason, the price could be divisible; otherwise the price cannot be divided. In the cases where a part of the sold good is wasted and in fact the sold good is incomplete the customer could terminate the transaction based on the article 388 of the Civil Code, which is somehow the option of impossibility of surrender. Article 388 of the Civil Code prescribes: If a defect is found prior to surrendering the sold good, the customer would have the right to terminate the transaction.

Obviously, if the loss or defect is due to the customer's performance, or due to the fault of a third party, then the seller will have no liability. Rather, the customer must refer to the third party for compensation, and the third party is liable for damages under the rules of civil liability. If the loss or defect is due to the customer's own performance, the customer himself is responsible. Article 389 of the Iranian Civil Code prescribes: If, in the case of the two above, the loss or defect is due to customer's performance, the customer does not have the right to return the sold good to the seller and must pay the price. Therefore, as long as the sold good is not surrendered to the customer, the seller has the exchange liability.

This means that if the sold good is lost or defected as a result of coercion or force majeure, although the seller has not violated the rules, he in any case is the guarantor and responsible. This is the exchange liability. That is, if the total sold good is wasted, the total contract is dissolved. If some part of the sold good is wasted, the same part of contract will be dissolved. But if the sold good is not wasted or defected due to celestial corruptions, rather, it is wasted or defected due to the customer's behavior or the fault of the third party; in this case the seller will not be the guarantor. The customer's action in the waste and defect of the sold good is subjected to the receipt, provided that the seller does not deceive him.

If the price of the wasted part of the sold good cannot be reduced from the whole price, as the total price has been devoted to the whole sold good, also in this case, the exchange liability is dominant, but it has the defect contingency sentence after the contract and before the receipt.

3-7-3. Impossibility of the compulsion of the landlord to surrender

Although taking delivery (receipt) and handing over or surrendering and possessing are not required for the validity of the contract, however, in any case the object of a lease must be surrendered to the leaseholder. If the landlord does not surrender the object of a lease but compulsion and obligation is not possible as well, the leaseholder can terminate the contract based on the option of the impossibility of surrender. Article 476 of the Civil Code prescribes: The landlord must surrender the object of the lease to the leaseholder; if he refuses to do so, he will be forced. And if there is impossibility of compulsion, the leaseholder has the right to terminate the contract. The same rule also applies to the share-cropping contract. Article 534 of the Civil Code prescribes: whenever an operant gives up in the middle or at the beginning of an action, and there is no one to perform the action instead of him, the ruler compels the operant to do so, based on the demand of the share-cropping landlord or continues to operate at the expense of the operant and if it is not possible, the share-cropping landlord has the right to terminate the contract.

3-8. Impossibility to surrender or impossibility to fulfill the commitment due to surrender

If the item of the original commitment was not an object, but doing an action. The impossibility to fulfill the commitment may be temporary or permanent and absolute; each has its own particular sentence. In what follows, first temporary impossibility to fulfill the commitment and then the permanent impossibility to fulfill the commitment would be discussed.

3-9. Temporary impossibility to fulfill the commitment

Failure to fulfill the commitment for any reason will cause the termination of the contract whether due to the misfeasance and the fault of the promisor or the force majeure. The basis for the right of the termination is the option of the impossibility of surrender. However, the impossibility to fulfill the commitment may be temporary but in any case, to avoid possible loss; the beneficiary can terminate the contract based on the option of impossibility of surrender or waiting for the removal of the barrier to fulfill the contract. Obviously, if the obligor fails to fulfill the commitment, he will be the guarantor.

3-10. Permanent impossibility to fulfill the commitment

If the non-fulfillment of the commitment was absolute and permanent, in fact it meant inability to surrender and doing the job. Since in such cases, one element of the contract that is the fulfillment of the commitment is not possible and no money is paid for it, so the nullity of the transaction is obvious. Therefore, because of the nullity of the contract, the obligation and compulsion is not possible. This sentence can be deduced from the criteria set forth in the Article 387 of the Civil Code. Article 387 prescribes: If the sold good is wasted before the surrender without the seller's fault or negligence, so the sale contract would be terminated and the price must be returned to the customer. Unless the seller has referred to the judge or his successor for surrendering, in this case, if the sold good is wasted, the customer would be responsible.

Moreover, according to the jurisprudential principle of nullity: the nullity of any contract due to the impossibility to fulfill its content, that is, any contract whose content is impossible to fulfill is void ([Mohageg Damad, 2009: 132](#)). The concept of nullity is innate, primary and also it could be legally dissolved.

3-11. The effects of impossibility to surrender the sold good

The sale contract, is owning an object which is exchanged with a known object that will make the customer the undisputed owner of the sold good. So that even with option, the customer's ownership is inevitable. Moreover, after the conclusion of the contract, the benefits belong to the customer, which by itself indicates the customer's ownership. On the other hand, the seller has no right to distraint unless in the cases that the legislator has authorized or he did it rightly. So if the sold good is lost due to the celestial corruptions, some jurists believe that the contract is not dissolved because the sold good belongs to the customer.

Rather, it is a case of the liability possession and the seller must pay instead of the sold good, if it is fungible he should give the same good and if it is non-fungible, he should pay its price to the customer. There is an argument about the requirement of the rule: if the sold good is wasted before the receipt, it is the customer's property, however because of the seller's domination on that, he is responsible for the liability. Because generally the well-known tradition, "whenever you receive something belonging to others, you will be under fiduciary capacity and liability until you return it to its true owner" includes it, i.e., if a person dominates the other person's property, as its guarantor he would tolerate the liability effects such as conservation of goods and preventing them from being wasted, compensating for it, and the responsibility for the benefits until he restore the property. In the case of the impossibility of restoration, he would be the guarantor for the equivalent or its price ([Bahr-alo-olom, 1403: 150](#)). This opinion is in fact a consequence and also in accordance with the opinion of the jurists who indicate the seller's possession as un-confidential and based on the liability possession. It is also said that the waste of the sold good before the receipt voids the contract which should be paid by the customer. However, if the customer claims the sold good and the seller refuses to surrender it, then the seller is obliged to pay the price of the sold good to the customer the same price ([Helli, Tadhkirat al-fuqahā, 113](#)).

The reason for choosing the liability possession rather than exchange liability has been the well-known sentence: "the risk of loss of the object of sale before delivery rests with the seller", In fact, the loser would be the guarantor, i.e., the loss is compensated by the seller ([Shahid Sani, 1413: 21](#)). In return, most jurists resorting to the Prophet's tradition ([Nouri, 1407: 303](#); [Najafi, 2014 : 83](#); [Shahid Sani: 21](#); [Ansari, 1415: 270](#)), i.e., "the risk of loss of the object of sale before delivery

rests with the seller" pronounce the seller's liability as the exchange liability and believe that the loss of the whole sold good before the receipt leads in the dissolution and termination of the contract. The presumption of this argument does not have any exception in jurisprudence and law, so that the seller's exchange liability includes the loss of the whole sold good, the loss of a part of the sold good and the defect in the sold good before the receipt.

3-12. Waiving the option of impossibility of surrender

The Iranian legislator in the Article 448 of the Civil Code has accepted the waiving of the total or some of the options while contracting, as the option is a financial right and people can neglect their rights. Article 448 prescribes: The waiving of the total or some of the options could be stipulated while contracting. However applying this rule on waiving the option of the impossibility of surrender is something that could be reflected upon. So some jurists consider the waiving of the option of the impossibility of surrender while contracting contrary to the public order. Because the concurrence of the consideration and an object in return for a consideration to one of the parties is contrary to the public order ([Katoozian, 1376: 397](#)).

Also, it has been said that the choice of waiving the option of impossibility of surrender is inconsistent with the requirement of the contract. Because the surrender in the possessory contracts or the fulfillment of the original commitment in reciprocal commitment contracts is the requirement of the exchange and it is due to the nature of these contracts. The choice of waiving the option of impossibility of surrender means that the promisor can receive the exchanged object without fulfilling the commitment and this is inconsistent with the requirement of the reciprocal commitment contract ([Safai, 1395: 319](#)). Finally, if any choice contradicts the requirements of the contract, the contract is void.

4. Results

Impossibility of surrender and impossibility to fulfill the contract will terminate the contract. If at the time of the conclusion of the contract the power to surrender was impossible or the obligor had no power to fulfill the action, the contract is void from the outset because of its risk. If the surrender subsequently occurs, it will terminate the contract. If the impossibility is temporary in any case, to avoid possible loss, the beneficiary can terminate the contract based on the option of impossibility surrender or he could wait for the removal of the barrier.

5. Conclusion

If at the time of the conclusion of the contract, there is no power for surrendering or the promisor had no power for doing the action, the contract is void from the outset because of its risk. However, if for example, the seller had the power to surrender from the beginning and the promisor also had the ability to do the action from the beginning, but after the contract he has failed to surrender the item of transaction or do the action permanently and absolutely due to the fault or accidentally; in this case, the contract was correct from the beginning until the time of incapability. However, at the time of the incapability to surrender, the contract is dissolved or terminated. Therefore, the contract will not be voided if the impossibility of surrender or the impossibility in the fulfillment of the contract is temporary. Rather, it brings the option of the impossibility of surrender for the beneficiary. Since the legislator did not use the term "the option of impossibility of surrender", so there is dispute on the right to terminate the contract in this respect. However, it can be understood from studying some of the regulations of this sentence. Obviously, if the case of impossibility was the proviso; it would be acted based on the warranty of its fulfillment. But if the fulfillment of the original contract was impossible temporarily, then the right of termination would be for the beneficiary.

References

[Allameh Heley, 1419a](#) – *Allameh, Heley, Hassan ebn Youssef*, (1419). The Rules of Al-Ahkam, Vol. 2 of al-Nusra al-Islami Institute, Qom, p. 113.

[Allameh Heley, 1419b](#) - *Allameh Haley, Hassan ebn Youssef*, (1419). Mokhtalef al-Shia vol. 5, al-Nusra al-Islami, Qom. Vol. 5, p. 295.

[Allameh Heley, 1419c](#) - *Allameh Haley, Hassan ebn Youssef* (1419). Tazkaratol Al-Ahkam 1 and 10, Al-Albit Institute, Qom. Vol. 1, p. 473.

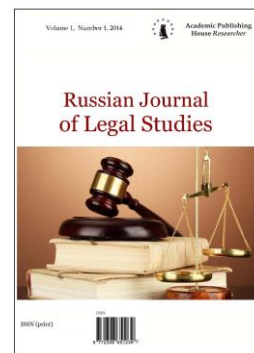
- [Allameh Heley, 1419](#) – *Allameh Haley, Hassan bin Youssef* (1419). Tahrir al-Ahkam, vol. 1, Imam Sadegh Institute, Qom. Vol. 1, p. 175.
- [Ansari,1415](#) – *Ansari Sheikh Morteza* (1415). al-Maqsab, Commemoration of Sheikh Azam, Qom. Vol. 6, p. 21.
- [Bahr al-Loom, 1403](#) – *Bahr al-Loom, Muhammad* (1403). Balqah al-Fiqhiyyah, Practices of Al-Sadiq School of Tehran. Qom. Vol. 3, p. 150.
- [Ebn al-Muzor, 1410](#) – *Ebn al-Muzor Muhammad abn Mukarram* (1410). Lesan al-Arab, Volume 7, Dar al-Sadr, Beirut. Vol. 2, p. 214.
- [Karkey, 1411](#) – *Karkey, Ali* (1411). Jameol Maghased, Al-Albit Institute, Qom. Vol. 3, p. 40.
- [Khansari, 1394](#) – *Khorasani, Ahmad* (1394). Jami al-Madarq, Maktaba al-Saduq, Tehran. Vol. 3, p. 129.
- [Katozyan, 1376](#) – *Katozyan, Naser* (1376). The law of contract, moderes, Tehran, Qom. Vol. 3, p. 397.
- [Mohaghegh, Seyed, 2001](#) – *Mohaghegh Damad, Seyed Mostafa* (2001). The Rules of Jurisprudence (Civil Section 2) Islamic Science Publishing Center, Tehran, p. 132.
- [Najafi, 1404](#) – *Najafi, Sheikh Mohammed Hassan, Jawahar al-Kalam*, Dita, Dar al-Rath al-Arabi, Beirut. Qom. Vol. 23, p. 83.
- [Nayini, 1418](#) – *Nayini, Mohammad Hussein* (1418). Maniyehto al-Talib C2, Al-Nusra Islami Institute, Qom, p. 233.
- [Naraqi, 1375](#) – *Naraqi, Mullah Ahmad* (1375). Avaedo ayyam, Al-Nusra Al-Islami Center, Qom. p. 64.
- [Nouri Tabarsi,1407](#) – *Nouri TabarsiT, Mirza Hassan* (1407). Mastarad al-Wassal J 13, Al-Albit Lahia al-Tharath al-Arabi, Qom. Vol. 13, p. 132.
- [Safai, 1395](#) – *Safai, seyed Hossein* (1395). The law of contract, Nashar Mizan. Tahran, p. 316.
- [Shahid aval, 1417](#) – *Mhammad abn Maki* (1417). al-Dusr al-Shariah, al-Nusra al-Islami Institute, Qom. Vol. 3, p. 21.
- [Shahidi, 1997](#) – *Shahidi, Mehdi* (1997). The Fall of Obligations, Majd, Tehran, p. 14.
- [Shahid Sani, 1413](#) – *Shahid Sani, Zeinuddin* (1413). Maslaq al-Assam, Al-Islam Encyclopedia, Qom. Vol. 3, p. 270.
- [Sheikh Tusi, 1411](#) – *Sheikh Tusi, Abu Jafar* (1411). Al-Khalaf 3. Al-Nusra al-Islami Institute, Qom. Vol. 3, p. 151.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2020, 7(1): 17-28

DOI: 10.13187/rjls.2020.1.17

www.ejournal25.com

Cultural and Humanitarian Aspects of Uzbek-Afghan Relations

Sayfiddin A. Juraev ^{a, *}^aTashkent State Institute of Oriental Studies, Uzbekistan

Abstract

This article discusses the cultural and humanitarian factor as a system forming an element of bilateral relations. Some tendencies of cultural and humanitarian cooperation between Uzbekistan and Afghanistan are shown. Uzbekistan cooperates with neighboring countries in the frame of its regional policy. Afghanistan plays crucial role in this process. Since 2016, active cooperation in the cultural and humanitarian sphere has been observed in the relations. Uzbekistan has begun to train specialists for Afghanistan in its educational institutions. Uzbekistan – Afghanistan Friendship Society began to play its important role. Joint restorations are being carried out, which are a symbol of the common cultural and spiritual heritage of the resting places of great scientists and thinkers. Organized a number of different levels of scientific forums aimed at developing a solution to the crisis and peaceful development of the Islamic Republic of Afghanistan.

One of the major causes of the ongoing Afghan crisis is the insufficient treatment of the cultural and humanitarian potential of the Afghan people. Targeted use of scientific and public events-with the participation of intellectuals, scientists, experts and practitioners of the country, consolidates all Afghans around the solution of the crisis and contributes to the peaceful development of Afghanistan. Therefore, conference diplomacy is actively used in Uzbekistan as a real tool in resolving regional problems.

Keywords: cultural values, people's diplomacy, friendship society "Uzbekistan – Afghanistan", Termez educational center, conference diplomacy.

1. Введение

Данная статья подготовлена на основе докладов автора на международной конференции «Афганистан на пороге XX и XXI веков: исторические, социально-экономические и политические аспекты, вопросы взаимного сотрудничества со странами Центральной Азии» 21-22 июня 2019 года в г. Ташкенте. Она была организована Ташкентским государственным институтом Востоковедения и обществом дружбы «Узбекистан – Афганистан» и посвящена 100-летию независимости Исламской Республики Афганистан.

В исследованиях афганской проблематике, во-первых, преобладают тенденции осмыслить происходившие события за последние сорок лет в Афганистане через призму геополитических, геостратегических военно политических и обеспечение региональной безопасности, частично экономических вопросов. Во-вторых, практически во всех работах экспертного сообщества тоже преобладает выше указанные тенденции. В-третьих, практически во всех работах Афганистан рассматривается как источник проблем.

* Corresponding author

E-mail addresses: juraev_s@mail.ru (S. Juraev)

Однако в отличие от европейских исследовательских работ в узбекских авторов имеется две тенденции: первое – это исследование историко-культурных, гуманитарных аспектов развития Афганистана (Mannonov, Buranov, 2019). Эта тенденция особенно заметно было до начала XX века. Начиная с года независимости начал преобладать исследование вопросов безопасности, проблемы и разрешение Афганского кризиса (Donierov, 2019 : 120).

Несмотря на практически отсутствие в исследованиях культурного гуманитарного составляющего научной среды в самом Афганистане и в соседних государствах, также в ведущих государствах усиливается тенденция поиска новых подходов, методов и вопросов мирного развития Афганистана. Постепенно растет позиция рассматривающая культурно-гуманитарный аспект, как основной элемент решения Афганского кризиса. Отсюда сегодня важной стратегической задачей стало пополнение этих действий с участием представителей науки, образования, культуры. В связи с этим автор поставил задачу показать важность и роль культурного гуманитарного фактора на примере двухсторонних отношений между Узбекистаном и Афганистаном

2. Материалы и методы

В настоящей работе были использованы работы трех групп исследователей. Первая группа – это научные труды узбекских исследователей – А.М. Маннова, Р. Иномходжаева, Н.А. Касимова, С. Шодмонова, А. Куронбекова, Б. Болтаева, Э.Т. Арипова, А. Хайдарова, А.А. Умарова, И. Бобокулова, Р.М. Алимова, М. Рахимова, Р.Р. Рашидова. Вторую группу образуют труды исследователей Афганистана (Л.П. Азмун, Зальмай Хевадмал, Шарифа Бадахш, А. Бадахш, А.Ш. Жужжоний). Третья группа - работы исследователей из России, Китая, США (В.С. Бойко, В.Г. Коргуна, А.В. Воробева, Н.А. Мендуковича, Н.А. Ли Синьэй и Г. Глизина).

Также использованы обнародованные ранее результаты собственных исследований региональных проблем. Подвергнуты детальному анализу, события культурно-гуманитарного сотрудничества Узбекистана с Афганистаном. По отдельным вопросам, касающихся характеристик двухсторонних отношений, проведены опросы более ста экспертами, исследователями, практическими работниками. К основным методам данного исследования относятся анализ, синтез, обобщение.

3. Обсуждение

3.1. Значение культурно-гуманитарного фактора в международных отношениях

Актуальность усиления культурно-гуманитарных факторов двухсторонних и многосторонних отношений между государствами обусловлена следующими факторами.

Во-первых, возрастанием роли культурно-гуманитарных составляющие современные международные отношения, также складывающаяся современная геополитическая ситуация в мире и в Азиатском регионе, вызванные последствием рядом глобальных процессов, которые заставили внести коррективы во внешнеполитических действиях современных. Новые развивающиеся страны вынуждены учитывать, что в современных условиях ведущие игроки мировой политики меняют сферы влияния на территории других стран. Также свою роль сыграло начало острых стратегических противоречий между основными акторами. Именно с усилением глобализации крупным игрокам мировой политики характерным стало решение своих стратегических проблем. Как ни печально, но Афганистан также оказался в этом процессе. В этом контексте за последние сорок лет Афганскому народу выпало трудное историческое испытание, связанное с быстрыми темпами глобализации и переменами в международных отношениях. На сегодняшний день эти вопросы требуют анализа в свете культурно-гуманитарных измерений, поскольку именно этот фактор может стать основным условием разрешения афганского кризиса.

Во-вторых, имидж государства на мировой арене ныне основывается не только на экономическом и военно-политическом, но и культурно-гуманитарном и культурном потенциале. Новым фактором международного влияния стала «культурная дипломатия» государства. За счет интенсивных культурно-гуманитарных связей с зарубежными странами, используя современные информационно-коммуникационные технологии, формируется привлекательный образ государства (Ashraf, 2016). В этой связи культурно-гуманитарная

политика превращается в неотъемлемый компонент внешней политики современных государств. Сейчас стратегическая актуальность приобретает культура, как инструмент решения внешнеполитических задач и укрепления двухстороннего и многостороннего сотрудничества.

В-третьих, в Узбекистане идут процессы формирования определенной модели культурно-гуманитарного развития, влияющие на саму сущность духовных идеалов и нравственных принципов. Они сопровождаются формированием культурно-цивилизационного многообразия, развития открытых, информационно-технологических и инновационных обществ, становления новой цивилизации образование. Вместе тем, наряду с позитивными изменениями усиливается процесс глобализации экстремизма, терроризма. Большинство стран сегодня сталкивается со схожими вызовами и угрозами, которые невозможно преодолеть в одиночку. Это и касается Афганистана (Azmun, 2019: 15). В таких условиях фактор науки, культуры, образования в укрепление и дальнейшего развития отношений между странами становится в высшей степени востребованной. Однако такие факторы используются в разрешении Афганского кризиса одним из последних.

В-четвертых, новые вызовы и масштабные задачи в области международных отношений в условиях глобализации придают культурно-гуманитарным связям Узбекистана с Афганистаном все возрастающую значимость (Alimardonov, 2019: 398). Процессы глобализации влекут за собой не только взаимопроникновение и взаимообогащение культур, но и нередко ставят под угрозу культурную самобытность стран и народов. В современных условиях особое значение приобретают коллективные усилия по налаживанию культурно-гуманитарного диалога. С другой стороны, в мире многие страны стремятся к гармонизации отношений, установление культурно-гуманитарного диалога. Он является одним из наиболее эффективных средств налаживания культурного и гуманитарного взаимодействия, между народами в мире. В этой связи все острее встают проблемы сохранения и преумножения культурно-гуманитарного наследия, а также более активного использования этих факторов на решение Афганского кризиса.

В-пятых, Афганистан имеет свою историю и свое место в истории человечества. Афганистан, находясь на культурно-цивилизационном перекрестке между крупными регионами, внес свой вклад в их развитие (Mannonov, 2019: 7). Став мостом между Азией и Европой, он способствовал распространению прогрессивных идей и культуры. Все это оказало значительное влияние на формирование современной повестки взаимоотношений Узбекистана и Афганистана. Культурные ценности афганского народа на сегодняшний день являются одним из системообразующим фактором, «ядром» афганской государственности.

В-шестых, не только научным, но и практическим вопросом стало использование этого ресурса в современном Афганистане. Именно поэтому Узбекистан активно развивает культурно-гуманитарный диалога регулярное проведение дней культуры стран, творческих мероприятий.

В-седьмых, Афганистан вместе с государствами Центральной Азии формирует новое геокультурное и геоэкономическое пространство, связующее Восток и Запад.

3.2. Динамика сотрудничества в культурно-гуманитарной сфере

Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев отметил, что тесное сотрудничество с зарубежными государствами, прежде всего, с соседними странами, будет осуществляться на уровне современных требований, на основе принципов взаимного доверия и учета обоюдных интересов (Mirziyoev, 2017). Узбекистан неизменно остается приверженным открытой, доброжелательной и прагматичной политики в отношении своих ближайших соседей. Обеспечение мира и стабильности, активизации взаимовыгодного и конструктивного политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного взаимодействия со всеми соседними странами является главным приоритетом внешней политики Узбекистана (Mirziyoev, 2019).

Отдельное место в этих процессах занимает Афганистан, с которым Узбекистан связывают уходящие вглубь веков тесные узы дружбы и добрососедства, основанные на общности истории, культуры, традиций и ценностей. Началу новой динамики в двусторонних отношениях послужила встреча Первого Президента Узбекистана И. Каримова с главой ИРА Мухаммадом Ашрафом Гани в июне 2016 года в рамках Ташкентского саммита Шанхайской

организации сотрудничества. Афганский лидер также провел встречу с Президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым 2 сентября 2016 года в Самарканде, на которой два лидера договорились приложить совместные усилия для придания принципиально нового качества сотрудничеству между странами (Mirziyoev, 2016).

М.А. Гани, присутствуя на торжественном открытии портрета великого поэта и мыслителя, государственного деятеля, основоположника узбекской классической литературы Алишера Навои в Галерее выдающихся людей в президентской резиденции «Арг», выразил глубокое уважение к личности А. Навои и его бесценному наследию, связывающему узбекский и афганский народы. Президент Афганистана особо остановился на исторических узлах между узбекским и афганским народами, схожести их менталитетов, общности культуры, языка, религии, обычаев и традиций (IA «Jaxon», 2017).

Это подтверждает встреча Президента Исламской Республики Афганистан М.А. Гани 2017 году с профессорско-преподавательским составом и студентами Бухарского государственного университета. Мухаммаду Ашрафу Гани был вручен диплом о присвоении ему звания почетного доктора Бухарского государственного университета. «Я мечтал посетить Бухару, сыгравшую важную роль в развитии мировой науки и исламской цивилизации. Земля Узбекистана взрастила многих великих мыслителей, в числе которых Имам Бухари и Имам Термизи. Обучающаяся здесь молодежь воспитывается достойным предков личностями», – сказал Президент Мохаммад Ашраф Гани (Ashraf, 2016). По словам В.С. Бойко, именно целостное, видение руководством Узбекистана развития ситуации в Афганистане привело к выработке совершенно новой, прагматичной и дальновидной политики в отношении Афганистана (Boiko, 2019).

В последние три года начал формироваться оптимистический взгляд на будущее мирного развития Афганистана. Плодотворно развивается сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере. Свою роль начало играть Общества Дружбы «Узбекистан – Афганистан», основной целью которого является дальнейшее развитие гуманитарных, духовно-культурных, научно-образовательных, просветительских отношений между народами Узбекистана и Афганистана. Наряду с этим в стране проведено ряд различного уровня научных форумов. Бесспорно, эти аспекты играют большую роль в дальнейшем развитии Афганистана.

В 2018 году в Термезе было организовано по инициативе Узбекистана образовательного центра по обучению афганских граждан при Министерстве высшего и среднего специального образования (ut.uz, 2018). Данное образовательное учреждение имеет важное значение для подготовки с учетом потребностей афганской стороны квалифицированных специалистов со средне-специальным и высшим образованием для социально-экономической, транспортно-коммуникационной и других сфер. В настоящее время в центре секретами избранных ими профессий овладевают около 250 афганских юношей и девушек. Их обучают квалифицированные профессора и преподаватели высших учебных заведений нашей страны. В учебном центре также создана возможность для подключения к "Электронной образовательной системе" через корпоративную сеть высших учебных заведений и проведения дистанционных занятий с учеными и специалистами любого вуза Узбекистана. Информационно-ресурсный центр пополнен необходимой учебной литературой по технико-экономическим и социально-гуманитарным направлениям, художественной и общественно-политической литературой, снятыми узбекскими режиссерами более 50 художественными и документальными фильмами, аудиодисками. В систему электронной библиотеки внесено более 700 электронных книг на латинице.

3.3. Народная дипломатия

В 2018 году создание общества дружбы «Узбекистан–Афганистан» стало историческим событием в отношениях двух государств (Mannanov, 2019). Хотя тесное торгово-экономическое, культурное сотрудничество между народами Афганистана и Узбекистана существует уже давно и имеет тысячелетнюю историю (Juzjoni, 2019: 115). Однако такая «народная» площадка, способствующая развитию взаимоотношений между Узбекистаном и Афганистаном на основе сближения историко-культурных, материальных ценностей, представляющие народы двух стран создается впервые.

Это начал способствовать переходу к свободному от официально – формального, прямому человеческому общению началу, оказать содействие лучшему пониманию друг

друга, развить фобии и стереотипы, способствовать формированию гармоничных отношений. Уже заметно вырисовываются прочные многоплановые связи в приграничных, торгово-экономических и культурных отношениях с соседними странами.

Известно, что на территории Афганистана покоятся духи наших великих узбекских писателей и поэтов (Алишер Навои, Мирзо Бобур, Боборахим Машраб, Беруний, Лутфий и др.). Вклад этих великих ученых и творцов в развитие науки и литературы является гордостью двух стран. И главной задачей узбекско-афганского общества является более глубокое изучение в том числе совместное наследия наших предков.

Общество оказывает содействие сотрудничеству в культурно-гуманитарной и научно-образовательной сферах, которое также занимает важное место. Организован постоянный обмен мнениями в вопросах международного научно-культурного сотрудничества между государственными и негосударственными организациями. В первую очередь, имеется виду доведение до общественности культурно-просветительского потенциала двух государств, посредством организации концертов, совместных выступлений писателей, художников, поэтов, архитектуры. Предусмотрены, в частности: а) конкурсы клуба читателей; б) посещение работниками творческой деятельности исторических городов Узбекистана; в) визиты наших культурных деятелей в Афганистан; г) издание трудов молодых писателей; д) совместное издание журналов, особенно электронных.

Важной задачей является привлечение гражданского сектора, проведение совместных международных проектов, направленных на повышение предпринимательской активности населения, особенно молодежи. Это также способствует укреплению отношений между государственными организациями, предпринимательскими структурами, предусматривающих содействие и развитие предпринимательства в двух государствах, взаимных визитов предпринимателей.

Оказывается содействие в дальнейшем развитии культурной сферы. Известно, что у двух народов большая тяга к ознакомлению с трудами, произведениями представителей искусства, культуры, театра, кино. Не будем скрывать, отсутствие в течение долгого времени обмена в этой сфере создало определенный пробел (Mendkovich, 2019: 50). Например, о существовании известных школ макомов в Афганистане и других видов искусства, или о работах мастеров мы знаем только из третьих источников. Между тем, на сегодняшний день, потребность в этом наблюдается не только у нас, но и в Афганистане. В связи с этим общество будет организовывать совместные фестивали, ярмарки, выставки. Представители Афганистана активно участвуют в проводимых в Узбекистане различных международных научно-практических и культурных мероприятиях. В частности, в сентябре 2018 году делегация Афганистана приняла участие в Первом Международном фестивале макома в Шахрисабзе (Irgasheva, 2019).

Совместно с правительственными и другими заинтересованными организациями содействие в укреплении гуманитарных, научно-технических, культурных связей, также партнерских отношений между городами и регионами Узбекистана и Афганистана. Например, делегация во главе с заместителем директора Академии наук ИРА М. Афзали приняла участие в международной научно-практической конференции, посвященной великим историческим личностям и ученым (5–16 мая 2014 года, город Самарканд). (ut.uz, 2018) 12–15 марта 2016 года. Делегация Республики Узбекистан во главе с председателем Международного фонда имени Бабура З. Машрабовым посетила город Герат, благоустроила территорию мавзолея Алишера Навои и отреставрировала мавзолей Камолиддина Бехзода (ut.uz, 2018).

Организация визитов представителей узбекского парламента, ученых, специалистов в Афганистан и их совместные выступления послужат укреплению их взаимоотношений. Предусмотрено создание базы данных об Узбекистане и Афганистане, достижениях в государственном строительстве, проводимых реформах. Это станет важным стимулом для понимания сущности и направленности проводимых реформ, модернизации различных сфер общества.

Организируются концерты, совместных выступлений писателей, художников, поэтов, архитектуры, конкурсов клуба читателей, посещение работниками творческой деятельности исторических городов Узбекистана и в свою очередь организация визитов наших

культурных деятелей в Афганистан; издание трудов молодых писателей, организация совместного издания журналов, особенно электронных изданий.

В сентябре 2018 г. делегация узбекских ученых приняла участие в работе Международного симпозиума в Кабуле, посвященного жизни и деятельности Абу Райхана Беруни (Irgasheva, 2018). 14 декабря 2018 г. в Ташкенте проведен Международный симпозиум, посвященный жизни и творчеству выдающейся представительницы Тимуридов Гавхаршодбегим (Irgasheva, 2019).

Важной задачей является привлечение гражданского сектора, объективная организация проведения совместных международных проектов, направленных на повышение предпринимательской активности населения, особенно молодежи. Это также способствует укреплению отношений между государственными организациями, хозяйствующими и предпринимательскими структурами, предусматривающих содействие и развитию предпринимательства в двух государствах, организация визитов Афганских предпринимателей в Узбекистан и узбекских бизнесменов в Афганистан.

3.4. Конференционная дипломатия Узбекистана в отношении Афганского кризиса

Одним из серьезных причин затягивание решение афганского кризиса является неиспользование культурно-гуманитарного потенциала. С другой стороны, умелое использование научно-практических конференций консолидирует учёных, экспертов разных стран в отношении путей решения афганского кризиса. Именно поэтому в Узбекистане активно используется конференционная дипломатия как реальный инструмент в урегулировании региональных проблем. В этом направлении за последние три года в Узбекистане проведено несколько международных конференций, направленных на выработку моделей решения афганского кризиса. Можно упомянуть следующие обстоятельства.

Учитывая текущее состояние дел в Афганистане, сближение общих подходов и позиций стран Центральной Азии по афганскому урегулированию, вовлечение Афганистана в региональное сотрудничество, президентом Узбекистана Ш. Мирзиёевым было инициировано проведение в Ташкенте международной конференции по Афганистану «Мирный процесс, сотрудничество в сфере безопасности и региональное взаимодействие» (26-27 марта 2018 г.). Это стало логическим продолжением выверенного и конструктивного внешнеполитического курса Президента Узбекистана по выстраиванию добрососедских отношений со странами Центральной Азии и обеспечению мира, стабильности, безопасности и устойчивого развития в регионе и Афганистане. Ташкентская конференция по мирному процессу в Афганистане руководствуется двумя фундаментальными принципами.

А) это принцип неделимости безопасности. По словам Президента Узбекистана, это отказ от разделения угроз безопасности на «наши и чужие»;

Б) региональная стабильность, в конечном счете, будет зависеть от успешной интеграции Афганистана в широкую систему торговых, экономических и инфраструктурных связей с другими государствами.

Президент Узбекистана отметил, что безопасность Афганистана это безопасность Узбекистана, залог стабильности и процветания всего обширного региона Центральной и Южной Азии. Нельзя допустить, чтобы международные террористические организации превращали Афганистан в своё постоянное пристанище (Mirziyoev, 2019).

Одним из решений вопроса афганского урегулирования, как подчеркивает руководитель страны, является проведение и организация переговоров между правительством Афганистана и движением «Талибан». Было предложено создать площадку на территории Узбекистана для организации переговоров, поскольку талибы, являясь частью афганского общества и гражданами Афганистана, имеют право голоса в определении будущего своей страны. Руководством Узбекистана было отмечено, что республика поддерживает решение, принятое участниками второго заседания в рамках Кабульского процесса, которое ратовало за запуск прямых переговоров между афганским правительством и движением Талибан без предварительных условий и угроз применения насилия.

Таким образом, Узбекистан не только предоставляет площадку для переговоров, но и в дальнейшем будет стараться быть активным членом этого процесса. Ключевой особенностью инициативы и дальнейшие ее реализации является:

Во-первых, урегулирование в Афганистане невозможно посредством использования «жесткой силы». Оно не может быть решено военным путем. Узбекистан считает необходимым использовать региональную дипломатию, проведение переговоров и диалога между правительством Афганистана и противоборствующими силами без предварительных условий.

Во-вторых, Президент Узбекистан также инициировал другое важное предложение – создать специальный Международный фонд поддержки образования в Афганистане. Основная цель – содействие афганской стороне в подготовке национальных кадров по самым востребованным специальностям, выделение стипендий и грантов для талантливых студентов и молодых учёных. Данное предложение Президента является логическим продолжением, инициированное Ш. Мирзиёевым в 2017 г. относительно создания Образовательного центра по обучению афганских граждан в Термезе (Узбекистан).

Ташкентская конференция по Афганистану не только способствует успешному вовлечению Афганистана в систему торгово-экономических и инфраструктурных связей региона, но и показывает мировому сообществу способность Узбекистана играть определенную роль в решении афганского вопроса путем многостороннего сотрудничества.

Итогом Ташкентского форума по Афганистану стало принятие Ташкентской декларации ([Tashkentaskay deklaracija, 2018](#)) – документа, отражающего политическую волю и взаимопонимание всех заинтересованных сторон по ключевым вопросам афганского урегулирования. Ташкентская декларация стала играть позитивную роль в процессе афганского урегулирования. Ташкентская встреча подчеркнула потенциальное возрождение Узбекистана как дипломатического игрока в регионе.

Узбекистан по согласованию с официальным Кабулом провел ряд важных переговоров с афганским руководством и представителями ведущих политических сил Афганистана, включая движение «Талибан». Все они признали, что Узбекистан может стать эффективным посредником в афганском урегулировании, поскольку поддерживает добрососедские отношения со всеми государствами региона, пользуется растущим доверием и авторитетом среди афганцев и в международном сообществе. Узбекистан создал все необходимые условия для организации на территории страны прямых переговоров между правительством Афганистана и движением «Талибан» ([Irgasheva, 2019: 3](#)).

Состоявшаяся в ходе прошедшей в Ташкенте в феврале 2019 года международная конференция: «Взаимозависимость в Центральной Азии: вызовы и новые возможности», подтвердила правильность курса Узбекистана на укрепление сотрудничества со странами региона и Афганистаном. Позиция Узбекистана касательно решения вопросов региональной безопасности и афганского конфликта через налаживание широкого многопланового сотрудничества между странами региона, включающего реализацию различных торгово-экономических, инвестиционных, транспортных и гуманитарных проектов, отражает новую геополитическую реальность в ЦА. Это показывает, что Центральная Азия и Афганистан не должны быть свободным столкновения геополитических интересов великих держав и региональных игроков. Регион должен стать пространством сотрудничества и взаимодействия.

21-22 июня 2018 году в Ташкенте состоялась международная конференция, приуроченная к празднованию столетия Дня независимости Афганистана ([Pravda Vostoka, 2019](#)). В ходе конференции основное внимание было уделено обсуждению перспектив развития узбекско-афганских отношений, взаимоотношениям Афганистана со странами Центральной Азии в культурной, политической и торгово-экономической сферах, а также выработке практических мер и предложений по развитию двусторонних отношений по приоритетным направлениям сотрудничества. Основные идеи сводились к следующим.

Во-первых, развитие мирного процесса. На сегодняшний день стратегия Узбекистана в диалоге с Кабулом сделала Ташкент значимым для всех переговорщикам по афганскому урегулированию. Такой подход не вызывает отторжения в самом Кабуле, поскольку он не подразумевает какого-либо вмешательства во внутри афганские дела. Практика последних десятилетий продемонстрировала, что попытки внешних интересантов решить внутри афганские проблемы – неэффективны ([Abdullaev, 2019: 354](#)).

Узбекистан со своей стороны в полной мере сыграл свою роль в качестве соседа и «братской страны» Афганистана. Многократный процесс мирных переговоров является параллельным, и участие стран мира и региона становится все более очевидной. В 2018-19 г.

мирный процесс в Афганистане заметно изменился, различные мирные переговоры шли параллельно. Афганское правительство активно продвигает процесс мирных переговоров под своим руководством. В феврале 2018 г. на втором раунде «Кабульского процесса» президент Афганистана А. Гани выразил готовность афганского правительства без предварительных условий вступить в мирные переговоры с талибами и осуществить ряд инициатив, включая прекращение огня и признание талибов законной политической партией в ответ на заявление талибов, призывающих к прямому диалогу с США, чтобы положить конец войне. Однако призыв афганского правительства не был поддержан талибами, которые отказываются говорить с афганским правительством.

Во-вторых, вопросы экономического сотрудничества. Важность Афганистана, как экономического партнера и рынка сбыта лучше всех осознали власти Узбекистана. Как отметил научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН А. Воробьев, «на примере Узбекистана, очевидно, что прагматичный и рациональный подход наращивания торгово-экономических контактов с Афганистаном укрепляет позиции инициативного партнера (Vorob'ev, 2019: 19). В данном контексте эксперт считает, что важную роль в сотрудничестве стран Центральной Азии и России в афганском направлении могут играть транспортно-логистические проекты. Один из таких перспективных проектов — проект строительства железной дороги «Мазари – Шариф – Кабул – Пешавар». Представители России, Казахстана, Узбекистана, Афганистана и Пакистана — уже создали финансовый консорциум для реализации данного проекта, о своей готовности присоединиться к проекту также заявил Китай.

По мнению преподавателя Балхского государственного университета ИРА Ш. Шарифи, Афганистан всегда был и является неотъемлемой частью Центральной Азии. Мирный Афганистан способен обеспечить Центрально азиатским странам наикратчайший выход к портам Индийского океана и Персидского залива, соединить Южную Азию с рынками Европы и Китая (Badaxsh, 2019). Качественным изменением во внешней политике стало изменение взгляда на эту страну не как на источник региональных проблем, угроз и вызовов, а как стратегическую возможность развить широкие транс региональные связи на всем евразийском пространстве.

В-третьих, вопросы безопасности. По мнению эксперта института марксизма университета Кайли КНР Ли Синьвэйя, сохраняющаяся нестабильная ситуация в области безопасности в Афганистане привела к большим жертвам среди гражданского населения (Li Sin'vey, 2019: 80). По данным Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА), в период с февраля по май 2018 года произошло 5675 инцидентов безопасности, в которых инциденты вооруженного конфликта составили 64 %.

С 2018 г. антиправительственные силы, включая «Талибан», и террористические организации активизировали свою деятельность, и в Афганистане была совершена серия террористических нападений. Растут также ориентации и убийства целей удара, что затруднило способность правительства Афганистана контролировать положение. В 2018 году число целевых убийств и террористических актов-самоубийств в Афганистане увеличилось соответственно на 35 % и 78 %, по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. (Li Sin'vey, 2019: 80). Растет также уровень активности ИГИЛ в Афганистане, активно действующие в провинциях Нангархар, Кунар и Джаузджан.

Участниками мероприятий подтверждена высокая востребованность в дальнейшем укреплении узбекско-афганского сотрудничества. Выработаны практические предложения по следующим направлениям: а) объединения интеллектуального потенциала и усилий экспертов, аналитиков исследователей для создания единого пространства Центральной Азии и Афганистана; б) сотрудничество в борьбе против терроризма, экстремизма и трансграничных преступлений; в) обсуждение водно-энергетических, экологических аспектов развития Центральной Азии и Афганистана; г) создание транспортных и энергетических коридоров в Центральной Азии и Афганистане; д) учреждение Международного института «Центральная Азия и Афганистан», который мог бы стать региональным аналитическим и экспертным центром, объединяющим исследователей всех стран региона и стать флагманом продвижения идей сотрудничества и новой атмосферы созидания в регионе.

4. Результаты

Автором предложено создать «Малый ООН для Центральной Азии и Афганистана» и назначить специального посла ООН в Афганистане по вопросам культурно-гуманитарного развития. Кроме того, рекомендовано учредить «Международный Университет Афганистан» в Узбекистане.

Это станет международной учебной, научно-исследовательской площадкой, во-первых, для подготовки высококвалифицированных кадров для Афганистана. Во-вторых, обеспечит привлечение афганских и зарубежных учёных, преподавателей, специалистов, исследователей для решения проблемы Афганистана. В-третьих, создаются условия для развития культурно-гуманитарного и научного обмена не только между специалистами Афганистана, но и представителями интеллигенции, культуры, науки, искусства соседних стран. В-четвертых, реализуется Дорожная карта Центрально-Азиатскими государствами по формированию благоприятных условий для культурно-гуманитарных связей с Афганистаном. В-пятых, эта площадка стимулирует активное участие международного сообщества в деле восстановления мира, экономики и культуры Афганистана в современном измерении и укрепления институтов государственности.

5. Заключение

В Узбекистане активно и эффективно реализуют конференционную дипломатию как реальный инструмент в урегулировании региональных проблем. Ташкентская конференция по Афганистану 2018 г. (uza.uz, 2018) заложила начало практических действий мирового сообщества по разрешению афганского кризиса. Дальнейшие события показывают, что это было триумфом новейшей дипломатии Узбекистана.

На сегодняшний день во взаимоотношениях между Узбекистаном и Афганистана в культурно-гуманитарном сотрудничестве появились усиливающие новые тенденции. За последнее три года состоялись семь встреч между Ш. Мирзиёевым и А. Гани. Решения, принимаемые на них, носят исторический характер. Подписаны и постепенно реализуются двухсторонние документы, в том числе «Дорожная карта» по дальнейшему развитию полномасштабного сотрудничества между двумя государствами в торгово-экономическом сотрудничестве, пунктах пропуска через государственную границу, оказание правовой помощи по гражданским, семейным делам, сотрудничестве в области транзита грузов, взаимном содействии в таможенных делах, сотрудничестве в сферах сельского хозяйства, энергетики, здравоохранения, высшего образования. Заметно активизировался делегационный обмен между ведомствами двух стран.

Таким образом, произошло прорывное изменение узбекско-афганских отношений, где Узбекистан рассматривает Афганистан как источник процветания и развития. В свою очередь, эти процессы являются логическим результатом новой региональной политики Узбекистана, который считает Центральную Азию в качестве одного из главных приоритетов внешней политики республики.

References

[Abdullaev, 2019](#) – *Abdullaev, M.M.* (2019). Ob uzbeksko-afganskom sotrudnichestve. «Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari». Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

[Azmun, 2019](#) – *Azmun, P.L.* (2019). The Cultural Circumstance of Afghanistan in the 20th and 21 centuries respectively. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

[Alimardonov, 2019](#) – *Alimardonov, O.* (2019). Uzbtristan va Afgoniston urtasidagi xalk diplomatiysining ayrim jihatlarga oid. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

Aripov, 2018 – *Aripov, E.T.* (2018). Visokaya dinamika uzbeksko-afganskix otnosheniy – eto rezul'tat novoy vneshnepoliticheskoy strategii Prezidenta Respubliki Uzbekistan. [Electronic resource]. URL: <https://ut.uz.26-03-2018>

Ashraf, 2016 – *Ashraf* (2016). Prezidentu Afganistana prisvoeno zvanie pochetnogo doktora Buxarskogo gosudarstvennogo universiteta. [Electronic resource]. URL: <http://UzA06.12.2017>. [in Russian]

Afganskaya delegasiya – Afganskaya delegasiya posetila Surxandar'inskuyu oblast'. [Electronic resource]. URL: <http://jahonnews.uz/ru/politika/136/52720/> [in Russian]

Buranov, 2019 – *Buranov, S.* (2019). Afghan studies in Uzbekistan: development of scientific researches. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Russian]

Badaxsh, 2019 – *Badaxsh, A.A.* (2019). Afgansko-uzbotnosheniy noviy etap sotpudnishectva. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy - ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

Badaxsh, 2019 – *Badaxsh, S.* (2019). Obrazovanie v Afganistane problem I puti peshenia. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

Boyko, 2019 – Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

Vorob'ev, 2019 – *Vorob'ev, A.V.* (2019). Perspektivi sotrudnichestva Rossii i stran Sentral'noy Azii po vklyucheniyu Afganistana v sovместnie ekonomicheskie i infrastrukturnie proekti. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI, 428 p. [in Uzbek]

Donierov, 2019 – *Donierov* (2019). Uzbekistonning zamonaviy tarixshunosligila Afgoniston. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

Irgasheva, 2019 – *Irgasheva, I.R.* (2019). Vistuplenie Spespredstavatelya Prezidenta Respubliki Uzbekistan po Afganistanu I.R.Irgasheva na mejdunarodnoy konferensii. Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari. Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

Irgasheva, 2018 – *Irgasheva, I.R.* (2018). Dvustoronnee sotrudnichestvo nachalo dinamichno razvivat'sya s 2016 goda. Spespredstavitel' prezidenta Uzbekistana po Afganistanu – o roli Tashkenta, talibax i indiyskom interese. [Electronic resource]. URL: <http://berlek-nkp.com/analitics/7266-.html> [in Uzbek]

Tashkentskay deklapacija, 2018 – Deklaratsiya Tashkentskoy konferensii po Afganistanu. Mirniy process, sotrudnichestvo v sfere bezopasnosti i regional'noe vzaimodeystvie. [Electronic resource]. URL: <https://uza.uz> (date of access: 28.03.2018).

Juzjoniy, 2019 – *Juzjoniy, A.S.* (2019). Afgoniston va Uzbekiston dustligining yngi boskishi. «Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari». Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI, 428 p. [in Uzbek]

Zal'may, 2019 – *Zal'may* (2019). Xedval XX asr boshlarida Uzbekiston va Afgonistonning madaniy xamkorliklari xususida izlanishlar. P. 23.«Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari». Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami T.TDSHI, 428 p. [in Uzbek]

Li Sin'vey, 2019 – *Li Sin'vey* (2019). Osenka Afganistanom Shanxayskoy organizasii sotrudnichestva i yego trebovaniya po interesam. «Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlari va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari». Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami T.TDSHI, 428 p. [in Uzbek]

Nachala rabotu – Nachala rabotu prigranichnaya torgovaya zona "Uzbekistan Afganistan. [Electronic resource]. URL: <http://uza.uz/ru/business/> (date of access: 23-05-2019). [in Russian]

Noviy etap – Noviy etap drujestvennix otnosheniy mejdu Uzbekistanom i Afganistanom. [Electronic resource]. URL: <http://uza.uz> (date of access: 11.04.2018). [in Russian]

Novaya stranisa – Novaya stranisa v otnosheniyax. Uzbekistana i Afganistana [Electronic resource]. URL: <http://uza.uz/uz> (date of access: 05.12.2017). [in Russian]

Mannonov, 2019 – *Mannonov, A.* (2019). Istoricheskie perelomi Afganisana na rubege XX-XX vv. «Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlar va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari». Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI. 428 p. [in Uzbek]

Mannonov, Buranov, 2019 – *Mannonov, A, Buranov, S.* (2019). Afgan stavies in Uzbekistan TDSHI. 115 p.

Mendkovich, 2019 – *Mendkovich, N.* (2019). A Issledovanie dinamiki voenno-politicheskoy situasii v Afganistane p. 55. «Afgoniston XX va XX1 asrlar chorrahasida: tarixiy, iqtisodiy – ijtimoiy, siyosiy jihatlar va uning markaziy osiyo mamlakatlari bilan o`zaro munosobati masalalari». Xalkapo ilmiy konferencia materiallari typlami. T.TDSHI, 428 p. [in Uzbek]

Mirziyoev, 2016 – *Mirziyoev, Shavkata* (2016). Svobodnoe, demokraticeskoe i prosvetayushee gosudarstvo Uzbekistan mi postroim vmeste s nashim mujestvennim i blagorodnim narodom. 14.12.2016. [Electronic resource]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/> [in Russian]

Mirziyoev, 2019 – *Mirziyoev Shavkata* (2019). Vistuplenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirziyoeva na mejdunarodnoy konferensii po Afganistanu: «Mirniy proses, sotrudnichestvo v sfere bezopasnosti i regional'noe vzaimodeystvie. [Electronic resource]. URL: <http://prezident.uz/ru/lists/view/1601> [in Russian]

Pravda Vostoka, 2019 – Afganistan dialog rashiryetcy. Pravda Vostoka. 2019. № 133. 2.07. [in Russian]

Obrazovatel'niy sentr, 2018 – Obrazovatel'niy sentr po obucheniyu afganskix grajdan otkrit v Uzbekistane. 24 yanvarya 2018 g. [Electronic resource]. URL: <https://www.uzdaily.uz/articles-id-35879.htm> [in Russian]

Uzbekistan i Afganistan vixodyat na, 2017 – Uzbekistan i Afganistan vixodyat na kachestvenno noviy uroven' sotrudnichestva. Afganskiy lider takje provel vstrechu s Prezidentom Uzbekistana Shavkatom Mirziyoevim 2 sentyabrya 2016 goda v Samarkande. [Electronic resource]. URL: <http://IA «Jaxon»> (date of access: 01.02.2017). [in Russian]

Uzbekistan i Afganistan po puti, 2018 – Uzbekistan i Afganistan po puti razvitiya kulturno-gumнитарnogo i obrazovatel'nogo sorudnichestva (2018). [Electronic resource]. URL: <http://www.ut.uz> (date of access: 25.03.2018). [in Russian]

Культурно-гуманитарные аспекты узбекско-афганских отношений

Сайфиддин Ахматович Джураев ^{a, *}

^aТашкентский государственный институт востоковедения, Узбекистан

Аннотация. В статье рассматривается культурно-гуманитарный фактор как система, составляющая элемент двусторонних отношений. Показаны некоторые тенденции культурно-гуманитарного сотрудничества между Узбекистаном и Афганистаном. Узбекистан сотрудничает с соседними странами в рамках своей региональной политики. Афганистан играет решающую роль в этом процессе. С 2016 года в отношениях наблюдается активное сотрудничество в культурно-гуманитарной сфере. Узбекистан начал готовить специалистов для Афганистана в своих учебных заведениях. Общество дружбы «Узбекистан – Афганистан» играет важную роль. Проводятся совместные реставрации, которые являются символом общего культурного и духовного наследия мест отдыха великих ученых и мыслителей.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: juraev_s@mail.ru (S.A. Juraev)

Организовал ряд научных форумов различного уровня, направленных на выработку путей урегулирования кризиса и мирного развития Исламской Республики Афганистан.

Одной из основных причин продолжающегося афганского кризиса является недостаточное отношение к культурному и гуманитарному потенциалу афганского народа. Целевое использование научных и общественных мероприятий – с участием представителей интеллигенции, ученых, экспертов и практиков страны, консолидирует всех афганцев вокруг решения кризиса и способствует мирному развитию Афганистана. Поэтому конференционная дипломатия активно используется в Узбекистане как реальный инструмент решения региональных проблем.

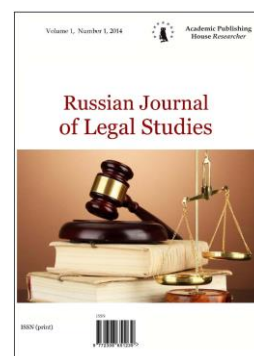
Ключевые слова: культурные ценности, народная дипломатия, общество дружбы "Узбекистан – Афганистан", Термезский образовательный центр, конференционная дипломатия.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2020, 7(1): 29-36

DOI: 10.13187/rjls.2020.1.29

www.ejournal25.com

On the Simplified Models of Legal Understanding for Teaching Legal Knowledge in Russia

Dmitry A. Kirillov^{a, *}, Ekaterina G. Sechenova^a^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the approach to ensuring the practical focus of higher legal education under the conditions when a significant part of legal provisions "do not operate". For this, the authors of the article propose using simplified models of legal understanding in the educational process. In developing these models, the authors of the article took into account the following circumstances. The teaching of legal disciplines in Russian universities is more and more complicated every year due to an increase in the number of laws that belong to the category of "acting" only formally, and therefore are not sources of law in the formal sense. Until about 2008, the teacher used the universal rule about the gap between the "static" form and the "dynamic" content. To explain the phenomenon of "unworking" laws such approach was didactically sufficient and methodologically correct. This rule indicated the need for the state to gradually eliminate obsolete laws from the legal space. However, in the last decade such an explanation has obviously become insufficient. So, by 2008, for a "median" practicing Russian lawyer, questions of whether or not this or that law worked in a particular legal situation were put forward as relevant; if the law works, then what "rule" should be applied instead of it to solve a legal problem. Accordingly, in the didactic aspect, a problem arose – how to restructure the teaching of legal disciplines if there are so many laws that are not sources of law ("do not work"). There are many concepts of legal understanding, from the positions of which one can explain the current state of things. However, most of them are difficult for students. The authors of the article propose a simplified model of legal understanding. It distinguishes three blocks - non-working laws, working laws, as well as the rules applied instead of non-working laws. For didactic purposes the authors of the article suggest to apply a differential use of such concepts as "legal law", "law", "feigned legal fact", "feigned legal space" depending on the audience's level of competence. A differentiated approach to groups of students with different levels of legal training also seems reasonable.

Keywords: higher legal education, non-working statutory provisions, legal law, feigned legal fact, feigned legal space, simplified model, didactic model, legal understanding, practical orientation, source of law; content of law, legal awareness, legism, the will of the legislator, degree of adjustment, legal construction, legal phenomenon, retroactive law.

1. Введение

Правовая действительность современной России характеризуется наличием значительного числа правовых явлений, не соответствующих по своему содержанию той внешней форме, в которую они официально облачены. Различные концепции

* Corresponding author

E-mail addresses: kdakda@yandex.ru (D.A. Kirillov), e.g.sechenova@utmn.ru (E.G. Sechenova)

правопонимания по-разному объясняют сложившееся положение вещей. Анализ различий в концептуальных подходах нередко сложен не только для дипломированных юристов, но и для ученых-отраслевиков, как и для преподавателей отраслевых юридических дисциплин. Данное обстоятельство поставило перед авторами задачу – построить упрощенную модель понимания права, которую можно было бы использовать в качестве единой при преподавании юридических дисциплин.

2. Материалы и методы

В настоящей работе использованы научные труды таких исследователей как Д.А. Авдеев, К. Анахов, И.Н. Барциц, Т. Гоббс, Е.В. Гутов, В.В. Лазарев, В.В. Суханов, В.М. Шафиров, а также обнародованные ранее результаты собственных исследований проблем преподавания юридических дисциплин с учетом свойств современной правовой действительности. По отдельным вопросам, касающимся характеристик этих свойств, проведены опросы более ста практикующих российских юристов, обсуждения в ходе ряда тематических панельных дискуссий. С позиций правового, лингвистического и общеобразовательного подходов проведен анализ современного состояния правовой действительности, на базе которого построена упрощенная модель правопонимания для дидактических целей. К основным методам данного исследования относятся анализ, логический и сравнительно-правовой метод, синтез, обобщение, аналогия, опрос.

3. Обсуждение

В ходе преподавания юридических дисциплин не лишено актуальности то обстоятельство, что неотмененные, то есть формально действующие законоположения «не всегда» выступают источниками права.

До недавнего времени объяснить студентам, почему, по меньшей мере, некоторые из огромного массива законоположений «не работают», было достаточно несложно. В рамках упрощенно-дидактического допущения причина данного положения вещей достаточно понятна и состоит в объективном противоречии между «содержанием права» и «содержанием всей совокупности источников права».

Право – как «содержание обязательных правил поведения» – динамично, тогда как источник права – как некая «относительно застывшая форма» – статичен. Поэтому совокупность источников права как «объединенная форма» не может не отставать (не отличаться) от собственно права как содержания. Задача государства в деле преодоления обозначенного отличия состоит в постоянной коррекции правовой действительности, в частности, в отмене или изменении устаревающих законоположений.

К началу XXI века в России явственно проявился новый феномен, который можно обозначить как «рассогласованность между фактическими параметрами правовой действительности и содержанием законов, которым эта действительность должна соответствовать». Объяснить его появление простым «устареванием» содержания источников права было уже сложно. Соответствующие дидактические вопросы в работах того времени одним из авторов затрагивались (Kirillov, 2002; Kirillov, 2004). Между тем тенденция усугубления рассогласованности продолжилась, что к 2008-2010 годам привело к появлению новых феноменов уже и в сфере профессиональной юридической деятельности.

По результатам проведенных в 2008 году в нескольких регионах России опросов 68 представителей профессионального юридического сообщества два вопроса, ответы на которые еще за несколько лет до этого столь явственно востребованы не были, вошли в число самых актуальных.

Во-первых, «работает» или нет в конкретной ситуации то или иное законоположение?

Во-вторых, какое «правило» вместо неработающего законоположения подлежит применению для разрешения юридической ситуации? Из 34 практикующих юристов, дополнительно опрошенных в целях контроля в трех регионах России, 29 назвали выявленные вопросы актуальными.

Для юридической дидактики возникла проблема, – «что» и «как» преподавать, если законоположений, которые не являются источниками права (не работают), становится настолько много, что одним из первых у юриста-практика возникает вопрос о том, работает или нет закон, предназначенный для разрешения актуальной юридической ситуации?

Обозначенная проблема предопределила необходимость учитывать при преподавании и доносить до студентов-юристов то обстоятельство, что «неработающий» закон в России исключением, отнюдь, не является. В ходе ряда панельных дискуссий проявился высокий дидактический потенциал термина «правовой закон». По мнению Е.В. Гутова, это «...властно-регулятивный акт, не только подкрепляемый и санкционированный государством или иными социальными институтами, но и соответствующий (содержательно, формально и процедурно) принципам общественного правосознания... и в силу этого обладающий всей полнотой действия в пределах данной правовой системы» (Gutov, 1998).

Следовательно, в дидактико-методическом аспекте в ходе обучения все законоположения целесообразно «разделять» на правовые (действующие) и неправовые (недействующие). Между тем данный подход не следует абсолютизировать, что предопределяет следующий важный вопрос.

С точки зрения официального государственного подхода, деления законов на работающие и неработающие быть не может. Все законы, говоря условно, «не могут не работать, а значит, работают». Подход базируется, в частности, на классическом доктринальном положении о том, что "правовая сила закона состоит только в том, что он является приказанием суверена" (Hobbes, 1991: 211) и имеет множество черт легистского типа правопонимания.

Тем не менее, как явствует из опросов профессионалов-практиков, неработающих законов гораздо больше тех допустимых границ, в пределах которых еще можно было бы вести речь об «отдельных подобных случаях», «исключениях из правил» и т.п., а не о целостной системе. Данное обстоятельство предопределяет не только дидактическую необходимость отказа от легизма в правопонимании, но и важность построения приемлемой упрощенной модели правовой действительности для целей преподавания.

Важным представляется следующий исходный тезис. «Неправовые» законы характеризуются не только тем, что «не всегда» применяются, но и тем, что вместо них применяются другие исходящие от государства правила, которые замещают неработающие законы и могут быть отнесены к числу правоположений. Последними, согласно одному из известных определений, предлагается считать «общие веления правоприменяющих органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и служат относительно самостоятельным средством поднормативного юридического воздействия на субъекты общественных отношений» (Lazarev, 1976: 5).

Из данного определения, на наш взгляд, вполне приемлемого для целей предлагаемого ниже учебно-дидактического нарратива, можно без какого-либо логического «передергивания» сформулировать промежуточный тезис о том, что «не в полной мере определенное отражение в законе воли законодателя» имеет место всегда. Поэтому такая «воля» во всех случаях подлежит корректировке «велениями правоприменяющих органов», то есть правоположениями. Количественно-качественные, а также ситуационные характеристики корректировки каждого из законоположений индивидуальны (Biriukov, Galushko, 2018).

В учебных целях уместно говорить и о степени «правоприменяющей корректировки», которая может быть «незначительной» или «значительной». Очевидно, что при незначительности степени корректировки закон можно охарактеризовать как работающий «сам по себе». При переходе же степени корректировки границ «незначительности» закон постепенно начинает утрачивать свойство «работающего».

Учитывая вышесказанное и опираясь на один из, на наш взгляд, приемлемых для целей дидактики современных подходов к пониманию права (Shafirov, 2004), представляется возможным сформулировать ключевые для включения в упрощенную дидактическую модель тезисы о том, что содержательно законоположения сами по себе (в чистом виде) нормами права не являются. Нормы права (как обеспечиваемые силой государственного принуждения правила поведения) во всех случаях имеют бытие в виде правоположений и иных неформальных правил (далее – «правоположения»), то есть скорректированных правоприменителями законоположений.

Исходя из этого, все без исключения принимаемые законы для абсолютно прямого действия объективно «не подготовлены». Действовать же законы начинают после их

корректирующего доведения правоприменителем до состояния готовности и превращения в «правоположения». При этом, как уже было сказано, закон, требующий незначительной корректировки содержания, можно считать правовым и действующим; закон же, который требует значительной корректировки, следует считать неправовым и недействующим.

Как было сказано выше, с точки зрения официального государственного подхода все законоположения работают (не должны не работать). Вместе с тем, вместо неработающих законоположений действуют «правоположения». Причем «государство» о последних не только знает, но и является их создателем (в лице конкретных органов и должностных лиц). Очевидна ситуация, в которой государство одновременно и официально не признает того факта, что среди законов есть неработающие, и фактически признает наличие неработающих законоположений, замещая их реально «работающими» «правоположениями».

Охарактеризованная двойственность, по нашему мнению, логически сопрягается с правовой конструкцией, текстуально реализованной в пункте 2 статьи 170 ГК РФ: сделка, прикрывающая другую сделку, именуется притворной и актуализирует прикрываемую сделку. Экстраполируя логику данной конструкции за пределы не только института сделок, но и гражданского права в целом, представляется уместным говорить о «прикрывании» «правоположения» неработающим законоположением. Последнее является притворным, а первое – актуальным, а потому интегрированным в единую систему правовых норм.

Исходя из приведенных выше результатов опроса юристов-профессионалов, удельный вес притворных (неправовых) законоположений в общем объеме текстов законов настолько значителен, что не может быть проигнорирован ни при оценке состояния правовой действительности, ни при трансляции юридических знаний. Принимая во внимание количество притворных законоположений, для дидактических целей уместно предложить к использованию такое понятие, как притворное правовое пространство.

Основываясь на подходах И.Н. Барцица ([Bartsits, 2000: 24](#)) и В.В. Суханова ([Suhanov, 2005: 15](#)), правовое пространство можно определить как детерминированную свойствами правосознания систему правовых явлений в границах государственной юрисдикции.

Притворностью же правового пространства в широком смысле слова для дидактических целей логично считать свойство правового пространства, заключающееся в наличии значительного количества неформальных правовых явлений, замещающих неработающие, но официально заявляемые правовые явления.

В узком смысле слова под притворностью можно понимать свойство правового пространства, заключающееся в наличии значительного количества «правоположений», замещающих неработающие законоположения. И тогда в узком смысле притворным логично именовать правовое пространство с критически высоким уровнем неработающих законоположений. Это, в свою очередь, позволяет говорить о фактической реализации законотворческой функции государства не только (или не столько) органами, функционально для этого предназначенными, но и органами исполнительной, а также судебной власти.

Для дидактических целей важен вопрос и о детерминации притворности российского правового пространства. Представляется возможным исходить из следующего. В основу российского конституционного законотворчества в начале 90-х годов XX века были положены и по настоящее время официально провозглашаются ценности демократического миропонимания, актуальным для юридической дидактики базовым элементом которого является верховенство закона. По мнению же ряда исследователей, фактической базой правосознания большинства россиян, безотносительно к тенденциям, является приоритет отнюдь не законоположения (в смысле верховенства закона), а политической воли носителя властных полномочий ([Avdeev, 2015: 59-60](#)). Потому притворность правового пространства во многом предопределена различиями между ценностями национального правосознания и принципами официально заявляемой правовой политики, реализуемой в законотворческой деятельности.

В силу этого, даже Конституция РФ – как совокупность не подкрепленных правосознанием большей части населения страны базовых законоположений – оказалась не свободной от коррекции «правоположениями». По результатам проведенных авторами ранее и подтвержденных в 2015–2019 годах исследований, к числу, в основном, неработающих можно

отнести, к примеру, положение статьи 12 Конституции о том, что «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти», положение пункта 1 статьи 120 о том, что «судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» и ряд других. Так, вопреки Конституции России, реально высшей ценностью является не человек с его правами и свободами, а, скорее, интересы государства и общества, страна последовательно отходит от федерализма, государственные структуры перешли под контроль органов исполнительной власти и т.п.

В качестве примеров неработающих «отраслевых» законоположений можно привести: пункт 4 статьи 212 ГК РФ, согласно которому права всех собственников защищаются равным образом; ст. 2 Трудового кодекса РФ в части указания на социальное партнерство как на один из принципов бытия трудовых отношений в России и т.п.

Дидактико-юридическое значение имеют и широко распространенные случаи, когда при формальной неизменности «неработающего» закона обратную силу имеют весьма расширительно толкующие такой закон правовые позиции высших судебных органов, ухудшающие участь лиц, привлекаемых правоприменительными органами, включая суды, к публичной ответственности, в том числе и за деяния, совершенные до формулирования такой позиции (Anahov, 2010: 37). При этом, сам закон, ухудшающий участь привлекаемых к публичной ответственности лиц, формально обратной силы в подобных случаях иметь не может. Однако, учитывая, что «работает» не сам закон, а прикрываемое им «правоположение», указание, к примеру, в пункте 2 статьи 5 Налогового кодекса РФ о том, что «акты законодательства о налогах и сборах, ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют», нередко лишено правового смысла. В силу чего не только не достигает той цели, которая преследовалась при его принятии, но и, очевидно, порождает правовой нигилизм.

Таким образом, дидактическая значимость того обстоятельства, что правовое пространство России имеет признаки притворности, налицо. Применительно к юридическому образовательному процессу это означает не только актуальность знания о том, что далеко не все законоположения в том виде как они сформулированы, актуальны для правового пространства, но и понимание того, что «юридическая теория», используемая для характеристики правового пространства, не должна быть несостоятельной.

В качестве дидактически универсального «упрощенно-модельного» подхода уместно с первых дней обучения, использовать [Таблицу 1](#) и постоянно возвращаться к ней на протяжении всего периода обучения. При этом следует дифференцированно и даже осторожно подходить к различным с точки зрения возраста и уровня юридической социализации аудиториям.

Таблица 1. Упрощенная модель соотношения права и законодательства

	Реальное (фактическое) право	
Официальное право (законодательство)		
OOOOOOOOOOOOOOOO	ORORORORORORORO	RRRRRRRRRRRRRRRR
OOOOOOOOOOOOOOOO	ORORORORORORORO	RRRRRRRRRRRRRRRR
«Неработающая» часть официального права	«Работающая» часть официального права	«Правоположения»

«Подготовленной» аудитории можно с самого начала предложить тезис о том, что в России официальные нормативные правовые акты являются источником права лишь с оговорками, что законодательство «работает» постольку, поскольку «правоположениями» не предусмотрено иное, и т.п.

«Молодую» же аудиторию следует сначала на примерах незначительно скорректированных законоположений обучить абстрактному юридическому инструментарию по условной модели «как оно должно быть». Для этого потребуются корректировка учебных материалов по всем правовым дисциплинам. В данном контексте «молодую» аудиторию представляется уместным знакомить с различными вариантами влияния «правоположений» на правовые пространства, как это показано в [Таблице 2](#).

Anahov, 2010 – Anakhov, K. (2010). Neobosnovannaya nalogovaya vygoda: izvinyajte, pogoryachilis' [Unreasonable tax benefit: we're sorry, we were hasty]. *Nalogovyy konsul'tant*. Tyumen'. № 3. Pp. 36-39. [in Russian]

Bartsits, 2000 – Bartsits, I.N. (2000). Pravovoe prostranstvo Rossii: voprosy konstitucionnoy teorii i praktiki [The legal space of Russia: issues of constitutional theory and practice]. M. 496 p. [in Russian]

Biriukov, Galushko, 2018 – Biriukov, P.N., Galushko, D.V. (2018). Sravnitel'noe pravovedenie [Comparative Law]: uchebnik. ID VGU. Voronezh: PH VSU. 378 p. [in Russian]

Gutov, 1998 – Gutov, E.V. (1998). Pravovoy zakon [The legal law]. V. Kemerov. Filosofskaya enciklopediya. Panprint. 1998. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-183-pravovoi-zakon.htm> (date of access: 30.07.2019). [in Russian]

Hobbes, 1991 – Hobbes, T. (1991). Leviatan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or matter, form and power of ecclesiastical state and civil state.]. M. 731 p. [in Russian]

Kirillov, 2002 – Kirillov, D.A. (2002). Obespechenie prikladnoy napravlenosti obrazovatel'nogo processa na dnevnoj forme obucheniya kak element sistemy podgotovki yuristov vysshej kvalifikacii [Ensuring the applied orientation of the educational process in on-campus education as an element of training highly qualified lawyers]. *Kachestvo vysshego professional'nogo obrazovaniya v nachale XXI veka: materialy konferencii*. Tyumen'. TyumGU. Pp. 164-169. [in Russian]

Kirillov, 2004 – Kirillov, D. (2004). A nepogoda vse ne prohodit [But the weather yet does not pass]. *Universitet i region*. № 44, 45. [in Russian]

Lazarev, 1976 – Lazarev, V.V. (1976). Pravopolozheniye: ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme yuridicheskogo vozdejstviya [Legal positions: concept, origin and role in the mechanism of legal impact]. *Pravovedeniye*. N 6. Pp. 3-15. [in Russian]

Shafirov, 2004 – Shafirov, V.M. (2004). Estestvenno-pozitivnoe pravo: Vvedenie v teoriyu [Naturally-positive law: Introduction to theory]. Krasnoyarsk. 260 p. [in Russian]

Suhanov, 2005 – Suhanov, V.V. (2005). Pravovoe prostranstvo i ego formy [Legal space and its forms]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. M. 26 p. [in Russian]

Об упрощенных моделях правопонимания для преподавания правовых знаний в России

Дмитрий А. Кириллов ^{a,*}, Екатерина Г. Сеченова ^a

^a Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается подход к обеспечению практической направленности высшего юридического образования в условиях, когда значительная часть правовых положений «не действует». Для этого авторы предлагают использовать упрощенные модели правопонимания в образовательном процессе. При разработке этих моделей авторы учли следующие обстоятельства. Преподавание юридических дисциплин в российских университетах с каждым годом усложняется из-за увеличения количества законов, которые относятся только к категории «действующих» формально и поэтому не являются источниками права в формальном смысле. Примерно до 2008 года использовалось универсальное правило о разрыве между «статической» формой и «динамическим» содержанием. Для объяснения феномена «неработающих» законов такой подход был дидактически достаточным и методологически правильным. Это правило указывало на необходимость того, чтобы государство постепенно исключало устаревшие законы из правового пространства. Однако в последнее десятилетие такое объяснение стало недостаточным. Так, к 2008 году для «срединного» практикующего российского юриста вопросы о том, работал ли тот или иной закон в конкретной правовой ситуации, были выдвинуты как актуальные. Если закон работает, то какое «правило» следует применять

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kdakda@yandex.ru (Д.А. Кириллов), e.g.sechenova@utmn.ru (Е.Г. Сеченова)

вместо него для решения правовой проблемы? Соответственно, в дидактическом аспекте возникла проблема – как реструктурировать преподавание правовых дисциплин, если существует так много законов – неисточников права («не работают»). Существует много концепций правопонимания, с позиций которых можно объяснить текущее положение дел. Однако большинство из них трудны для студентов. Авторы предлагают упрощенную модель правопонимания. Они различает три блока – нерабочие законы, работающие законы, а также правила, применяемые вместо нерабочих законов. В дидактических целях авторы предлагают применять дифференцированное использование таких понятий, как «правовое право», «право», «притворный юридический факт», «притворное правовое пространство» – в зависимости от уровня компетенции аудитории. Дифференцированный подход к группам студентов с различным уровнем юридической подготовки также представляется разумным.

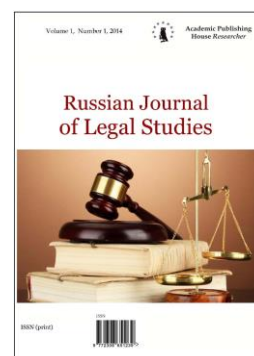
Ключевые слова: высшее юридическое образование, нерабочие законодательные положения, право, притворный правовой факт, притворное правовое пространство, упрощенная модель, правовое понимание, практическая направленность, источник права; содержание права, правосознание, легизм, воля законодателя, степень адаптации, правовое построение, правовое явление, ретроактивное право.

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2020, 7(1): 37-46

DOI: 10.13187/rjls.2020.1.37
www.ejournal25.com

Political and Legal Status of International Organisation: Modern Problems

Sergey Krasov^{a, *}, Yakov Tikhonov^a

^aSamara National Research University named after academician S.P. Korolev, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the analysis of the political and legal status of the European Union at the present time. The history of the formation and development of the EU is viewed. The author makes the assumption that the inclusion of the country in the European Union is a political decision. This fact is confirmed by the example of the fifth EU enlargement, and by attempt to include Turkey in the EU. A comparison of the integration processes occurring during the formation of the USSR and the EU is made, and it is concluded that they are similar. At the first stage of integration general authorities appear, and after that authorities unite and set free boundaries. Question of the political and legal form of the EU is considered. The author concludes that the development of European law and the European Communities, the expansion of their competencies, the emergence of supranational bodies, the opening of borders, the introduction of a single citizenship, the adoption of a single European currency and if the Constitution is adopted, would lead the European Union to the Confederation. However, the European Constitution was not adopted, thus the EU did not become a universal association, which differs from an international organization in its generally accepted sense.

Keywords: sovereignty, supranational, integration, international treaty, international organization, confederation, federation.

1. Введение

Актуальность темы обусловлена как правовыми и политическими процессами, идущими сегодня в рамках Европейского союза, так и спецификой его положения на международной арене, в том числе взаимоотношениями с Российской Федерацией. Впервые официальные отношения между Европейскими сообществами и СССР возникли в 1988 г., когда было подписано Соглашение о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве. На сегодняшний день Россия является важнейшим экономическим партнером ЕС. По данным Евростата ([Eurostat](#)), Россия является четвертым по величине торговым партнером Европейского союза после США, Китая и Швейцарии ([Top Trading Partners, 2017](#)).

2. Материалы и методы

В статье использованы теоретические и нормативные источники для определения политико-правового статуса Европейского союза на современном этапе. При написании работы использованы следующие методы: диалектический метод познания, анализ, сравнительно-правовой, формально-логический, конкретно-исторический и иные методы. Использование

* Corresponding author

E-mail addresses: krasov57@icloud.com (S. Krasov), especial357@gmail.com (Ya. Tikhonov)

данных методов позволяет определить политико-правовой статус Европейского союза, а также ответить на вопрос, каким субъектом международного права он является.

3. Обсуждение

Идея союза стран Европы будоражила умы европейцев давно. Еще с 18 века предлагались разнообразные проекты объединения государств Старого света. Подобных взглядов придерживался немецкий философ Иммануил Кант в своем трактате «К вечному миру». В 1814 г. Анри Сен-Симон в книге «Реорганизация европейского общества», написанной совместно с Огюстеном Тьерри, настаивает на создании союза Англии и Франции. В 1849 г. Виктор Гюго на масонской конференции в Париже в своем выступлении призвал к объединению европейских стран с целью создания Соединенных Штатов Европы. После Первой мировой войны идею о создании «Единой Европы» высказал Рихард Николаус Куденхове-Калерги. В Вене в 1923 г. вышел его манифест «Пан-Европа».

С проектом построения Европы на основах федерации выступал французский министр иностранных дел А. Бриан. В 1929 г. он предложил создать в рамках Лиги Наций Европейский союз.

Идеи об объединении европейских государств нашли свое воплощение во второй половине 20 века, что в итоге привело к созданию Европейского союза. В настоящее время он является одним из наиболее авторитетных политико-правовых образований. Этот тезис можно подтвердить на примере расширения ЕС.

Первоначально с 1952 года участниками сообщества ЕОУС были: Франция, ФРГ, Италия, Нидерланды, Бельгия и Люксембург. 1 января 1973 г. к союзу присоединились такие страны как: Великобритания, Ирландия, Дания. 1 января 1981 года – Греция, в 1986 году – Испания и Португалия, в 1995 – Австрия, Финляндия, Швеция. В 2004-2007 годах происходит пятое расширение ЕС, присоединяются: Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония, Кипр, Мальта, а в 2007 – Румыния и Болгария. Последняя страна, примкнувшая к Европейскому союзу в 2013 году, Хорватия. На сегодняшний день ЕС представляет с собой экономическое и политическое объединение 28 европейских государств.

Чтобы вступить в ЕС, необходимо соответствовать критериям вступления в ЕС, которые закреплены в статье 49 Маастрихтского договора. Однако включение государства в Европейский союз – решение, как отмечают ученые, политическое ([Biriukov, Galushko, 2018: 120](#)).

Особенно это видно на примере пятого расширения ЕС. Р.Т. Теубов считает, что в отличие от предшествующих изменений, в состав Европейского союза с 2004 года вошли страны, в которых около четырех десятков лет ведущими были однопартийные политические устройства в сочетании с командно-административным планированием экономики. Различия в экономическом уровне развития новых 12 стран-членов ЕС беспрецедентны. Ни при каком из предыдущих расширений Евросоюза не было столь огромного разрыва между претендентами по уровню ВВП на душу населения, производительности и конкурентоспособности, доходам и многочисленным другим микро и макроэкономическим показателям. Никакие предыдущие расширения не вели к такому сокращению уровня ВВП на душу населения и среднего показателя в сообществе. Государства-кандидаты от нынешних членов ЕС отличаются и по многим другим экономическим показателям – производительности, уровням доходов, потребления, безработицы, конкурентоспособности, социальным, экологическим и другим пунктам ([Teubov, 2011: 11-13](#)).

Подтверждением нашего тезиса может служить и пример интеграции в ЕС Турции. Турция является «ассоциированным членом» с 1963 года, когда было подписано соглашение об ассоциации между ЕЭС и Турцией. Страна формально подала заявление на вступление 14 апреля 1987, но понадобилось 12 лет, чтобы получить статус кандидата на саммите Хельсинки 1999-го года.

После саммита в Брюсселе 17 декабря 2004 г. Европейский совет объявил официальной датой начала переговоров по вступлению Турции 3 октября 2005 года. Сторонники вступления утверждают, что Турция выполнила большинство условий для вступления.

Некоторые также настаивают, что ЕС больше не может отказывать Турции, поскольку она находится в статусе кандидата уже больше шестнадцати лет и добилась большого прогресса в защите прав человека для того, чтобы удовлетворять условиям вступления. Однако Турция до сих пор не член ЕС. Это связано с существованием политической оппозиции в виде позиции Германии и Франции. Они утверждают, что в политике Турции значительную роль играет армия. Турция не соблюдает ключевых принципов, ожидаемых от либеральной демократии, таких как, например, свобода слова. Однако, интереснее другое, что в случае вступления Турции в ЕС изменит баланс сил в представительных европейских учреждениях.

По присоединению к ЕС семидесятимиллионное население позволит иметь второе по величине представительство в Европарламенте, что ослабит позиции Франции и Германии в Европейском союзе. То, что вступление Турции вопрос политический, доказывают и слова, сказанные Председателем Европейского совета. Херман Ван Ромпёй заявил: «Турция – не часть Европы и никогда не станет её частью. Расширение ЕС за счет Турции не может быть приравнено к любым расширениям, имевшим место в прошлом. Универсальные ценности, которые воплощают могущество Европы и которые являются фундаментальными ценностями христианства, потеряют силу с присоединением большого исламского государства – такого, как Турция» (Anishchenko, 2018).

Таким образом, число государств-членов Европейского союза возрастает. Однако помимо экономических предпосылок, влияющих на динамичное расширение ЕС, существуют и политические. Особенно это заметно на примере пятого расширения ЕС, которое происходило по политическим соображениям. В это время перед Европейским союзом открывалась реальная возможность усилить свое влияние в Европе и ослабить зависимость от США. ЕС стремился обеспечить зону стабильности и безопасности по периметру своих границ, а также крупные западноевропейские корпорации стремились получить новые рынки сбыта и сферы приложения капиталов.

ЕС в результате превратился в ведущий мировой экономический и политический центр, влияние которого неуклонно возрастает.

Сегодня в науке актуальна проблема квалификации правового статуса Европейского союза, а также проблема согласования между собой международных и внутригосударственных норм. В свою очередь, ответы на эти вопросы определяют правовые основания взаимодействия ЕС с другими субъектами международного права. Ключевым вопросом в современной юридической науке остается вопрос о политико-правовой форме ЕС.

Анализируя политико-правовой статус ЕС, необходимо рассмотреть этапы его становления.

Первое направление в сторону создания Союза было сделано в 1951 г., когда был подписан договор об учреждении Европейского объединения угля и стали (далее ЕОУС). Следующим этапом при образовании единого европейского государства было утверждение Европейского экономического сообщества (далее ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (далее Евратом), которые возникли в результате подписания римских соглашений в 1957 г.

На данном этапе становления ЕС было много сторонников идей федерализма и создания «Соединённых Штатов Европы». Поэтому учреждение ЕОУС, а также подписания Римских соглашений они восприняли как первый этап к созданию Единой Европы. М.М. Бирюков выдвигает тезис, что ЕОУС было своеобразным экспериментом, в ходе которого решалась задача соотношения надгосударственных и межгосударственных аспектов европейской интеграции, возможности их «сожительства» (Biruykov, 2004b: 53).

Однако с приведёнными утверждениями можно поспорить. Многие ученые (Г.И. Тункин, С.В. Черниченко и др.), рассматривая международные организации (далее МО), выделяют их характерные черты: 1) они создаются государствами путем заключения международных договоров и действуют на основании этих договоров; 2) государства как внутри МО, так и вне остаются суверенными и равноправными; 3) механизм МО приводится в действие государствами-учредителями; 4) государства имеют одностороннее право выхода из МО.

Анализируя данные положения, можно сделать вывод, что т.н. «наднациональность» присутствует в любой международной организации. Создаются надгосударственные органы, а суверенные государства передают международной организации часть полномочий, для

достижения определенных целей, указанных в учредительном договоре. Следовательно, ЕОУС и ЕЭС представляли собой международные межгосударственные организации (далее МО), начало которым положили международные договоры. Государства-члены ЕОУС и ЕЭС являлись равноправными участниками в данном объединении и вне его, а также имели одностороннее право выхода из объединения.

Органы ЕОУС и ЕЭС не были полностью наднациональны, поскольку многие предложения должны были быть одобрены большинством голосов государств-членов или - представителей трех государств-членов, каждое из которых производит, по меньшей мере, одну девятую от общей стоимости производства угля и стали в Объединении (ст. 28 ЕОУС). Более того, все высшие органы формировались из представителей стран, входящих в объединение угля и стали.

В связи с этим, как отмечал Г.И. Тункин относительно ЕОУС, принцип суверенитета государств-членов международной организации проявляется в том, что органы данной организации наделены правом принимать решения, состоят из представителей государств-членов, действующих в соответствии с интересами своих правительств (Tunkin, 2016: 124). Это означает то, что страны полностью могли контролировать всю деятельность данного объединения, следовательно, говорить о возможности «сожительства» надгосударственных и межгосударственных аспектов европейской интеграции пока рано.

С 1957 по 1965 годы три Европейских сообщества эволюционировали таким образом, что, в конце концов, их основные органы стали общими (Kolyar, 1972 : 395). В результате 8 апреля 1965 г. в Брюсселе был подписан «Договор слияния», который вступил в силу 1 июля 1967 г. Важно отметить тот факт, что Договор объединял не три общества, а именно их органы. Комиссия и Совет ЕЭС заменяли Комиссию и Совет ЕврАтома, а также Высший руководящий орган и Совет министров ЕОУС (Merger Treaty).

Институты трех европейских сообществ слились воедино: одна Комиссия, один Совет министров и Европейский парламент. Таким образом, мы можем говорить, что «Договор слияния» закрепил институциональные изменения, поскольку появились общие органы, деятельность которых преследовала цели трех входящих в него сообществ. Однако, формально оставались независимые международные организации, которые стали называться – Европейские сообщества.

В 1985 г. между пятью государствами – Францией, Люксембургом, Германией, Нидерландами и Бельгией – было подписано Шенгенское соглашение. Шенгенское соглашение затрагивало в основном режим пересечения сухопутных границ между государствами-участниками. Главный объект их воздействия – автомобильные перевозки, пересечение общих границ на машинах, автобусах и ином автомобильном транспорте.

Теми же странами 19 июня 1990 г. была подписана Конвенция «О применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. о постепенной отмене проверок на общих границах», которую часто называют «вторым Шенгенским соглашением» (Kashkin, Chetverikov, 2000: 103). Конвенция закрепляет правовой режим свободного пересечения границ между государствами Шенгенского пространства и вводит единую (Шенгенскую) визу.

Однако с принятием Шенгенских соглашений возник ряд вопросов. Открытие внутренних границ требует введения единых правил пересечения границ внешних, то есть со странами, не входящими в интеграционную группировку. Границы открываются не только для законопослушных граждан, но и для преступных элементов (будь то местных или иностранных). Совершив преступление, преступник теперь легко скрывается на территории другой страны. Использование средств и механизмов, предоставляемых соглашениями о взаимной правовой помощи, может попросту оказаться слишком долгим. Полное открытие границ, отмена паспортного и иного личного контроля требуют одновременного принятия целого ряда других не менее серьезных мер. Для этого, в свою очередь, необходима существенная реформа многих областей национального законодательства и политики.

На такую реформу были готовы пойти далеко не все страны-участницы Европейских сообществ. По этой причине закрепить правила об отмене пограничного контроля непосредственно в учредительных договорах или праве Сообществ оказалось невозможным: нужно было согласие всех.

Таким образом, можно сделать вывод, что Шенгенские соглашения представляли собой международный договор, подписание которого порождало большое количество

проблем: увеличение количества эмигрантов; уменьшение пограничного контроля, а также необходимость урегулирования национального законодательства. Страны, не подписавшие данные акты (Великобритания, Ирландия и Дания), участвовали в данных отношениях как самостоятельные субъекты международного права. Они осуществили свои суверенные права и не присоединились к Шенгенским соглашениям.

Анализируя интеграцию ЕС, можно выявить, что образование подобного союза уже имело место в истории. На наш взгляд, данный путь интеграции, с определенными оговорками, в ходе которого в начале образуются общие наднациональные органы власти, а впоследствии учреждается союз, уже имел место быть при образовании СССР. В ходе Октябрьской революции и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи сформировались несколько советских республик, образованных по национальному признаку: РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР. Более того, вскоре после образования этих республик началась их интеграция в будущее союзное государство. Формально четыре основных советских республики (РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР) считались «независимыми государствами». Однако уже существовала единая армия. Более того реальная власть на национальных окраинах находилась в руках местных компартий, которые на деле входили в состав РКП(б) на правах местных организаций. Таким образом, при формальной «независимости» окраины фактически были интегрированы в единую военную и политическую структуру с центром в Москве.

Уже 7 марта 1919 года украинское советское правительство приняло постановление об объединении ВСНХ РСФСР и СНХ УССР, а также о слиянии банковских систем двух республик. В июне того же года вышло постановление ВЦИК о военном союзе советских России, Белоруссии, Украины, Литвы и Латвии (Borisenok, 2015 : 184-185). Впоследствии был принят «интернационалистский» проект, в соответствии с которым все существовавшие на тот момент основные советские республики получали формальное равноправие друг с другом, в расчете на будущую советизацию всей Европы. Это привело к тому, что Договор об образовании СССР был подписан 29 декабря 1922 года, а уже 30 декабря 1922 года I Всесоюзный съезд Советов одобрил его.

РСФСР и выделившиеся из неё ранее Украинская ССР (УССР), Белорусская ССР (БССР) и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР) объединялись в СССР, каждая из республик которого формально считалась суверенным государством.

На наш взгляд, данный интеграционный процесс мы видим и при создании ЕС. В образованных сообществах на первом этапе интеграции появляются общие органы власти, которые уполномочены принимать решения, по вопросам входящим в их компетенцию. Однако, государства-члены являются равноправными и независимыми государствами. Впоследствии органы объединяются, также подписываются Шенгенские соглашения, которые устанавливают свободные границы в пределах сообществ, а положительная динамика экономического развития сообществ, а также актуальность идей сторонников федерализма создает предпосылки для дальнейшей интеграции, что в итоге приводит к подписанию 7 февраля 1992 года Маастрихтского договора и созданию Европейского союза. Согласно статье А договора сторонами учреждался Европейский союз.

Следует сказать, что данный договор не прекращал деятельность Европейских сообществ, все три сообщества продолжали существовать, но так как Союз создавался на базе Европейского экономического сообщества, оно по условиям договора переименовывалось в Европейское сообщество и дополнялось следующими положениями: визовая политика, образование, здравоохранение, культура, положение о европейском гражданстве, создание транспортной сети, развитие промышленности и сотрудничество в целях развития (Borko, 2003: 261). Два других сообщества сохранились в неизменном виде. При этом 23 июня 2002 г. ЕОУС прекратило свое существование в связи с истечением срока действия соглашения, а его полномочия перешли к Европейскому сообществу. Таким образом, осталось всего два сообщества: Европейское сообщество и Евратом.

Из всех учредительных договоров история подписания Маастрихтского договора наиболее сложна. Он был отвергнут на референдуме в Дании и едва не отвергнут на референдуме во Франции, число проголосовавших 51,05 %. В ходе последующего проведенного в Дании референдума, который состоялся после того, как осуществилось

толкование положений Договора, вызывающих основную обеспокоенность Дании, Договор был одобрен (Borko, 1994: 26). Проведенный анализ общественного мнения в таких странах, как Германия и Великобритания показал присутствие сильной оппозиции.

Последствием договора было введение евро как европейской валюты и установление трёх опор союза - экономики и социальной политики, международных отношений и безопасности, правосудия и внутренних дел.

Как отмечает М.М. Бирюков, на данном этапе сотрудничество государств-членов в сфере внешней политики, обороны и безопасности занимает особое место в рамках европейского интеграционного процесса. Перед ЕС встала серьёзная задача создания адекватной институциональной структуры. При этом общая внешняя политика и политика безопасности остаётся относительно отстающим направлением интеграции, так как в данных сферах нет единства между странами (Biryukov, 2004b: 73).

Вместе с Маастрихтским договором было введено единое европейское гражданство. Граждане имели право голоса на выборах в Европейский парламент, однако в выборах в национальные парламенты они не участвовали. Это означало, что гражданство Союза дополняло, а не заменяло национальное гражданство (Balsamova, 2012: 16).

Экономическая интеграция в рамках Евросоюза приводит к тому, что в 1999 году вводится единая европейская валюта – евро, то есть происходит переход к единой денежной системе (Biriukov, Ponomarenko, 2016: 181). Таким образом, договор закреплял важные изменения концептуального характера, то есть осуществлялось поступательное движение к федералистской Европе: единое гражданство, единые высшие общесоюзные органы власти, единая валюта.

Как отмечает М.М. Бирюков, европейская интеграция прогрессировала за счет частичных уступок суверенных полномочий государств-членов в пользу созданных и развиваемых учредительными договорами институтов Сообществ и Европейского союза (Biryukov, 2004b: 141).

На наш взгляд, вышеуказанные позиции являются не совсем верными. Следует сказать, что практически все конституции европейских государств разрешают ограниченную передачу суверенитета. Разрешает это и Конституция РФ в статье 79, в которой говорится, что Россия может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий. Однако, в случае передачи полномочий государства не перестают быть суверенными, они продолжают иметь собственные интересы и преследовать свои цели. Более того, согласно позиции ученых по Конституционному праву (Г. Еллинек, П. Лабанд, В.В. Лазарев, В.Е. Чиркин) суверенитет един и неделим.

Следовательно, государства-члены, вступая в ЕС, передают ряд полномочий, но остаются самостоятельными субъектами международного права. Данную позицию можно подтвердить на примере введения единой европейской валюты. Сотрудничество государств по вопросам денежной и валютной политики является наглядным примером того, что, несмотря на то, что эта сфера сотрудничества государств регулируется учредительными договорами, условия которых обязательны для всех участников этого интеграционного объединения, государства сами решают вопрос об участии в этой области сотрудничества. Это означает, что государства, а не Союз обладают суверенитетом, и только они решают, в каких областях сотрудничества они будут принимать участие, а в каких - нет. Таким образом, на карте мира, не появляется «Особого субъекта», Европейский союз после учреждения Маастрихтского договора продолжал оставаться международной организацией. А в случае позиции федералистов, о том, что многие полномочия перешли к ЕС, уместно высказать тезис о том, что, если государство уступает свои полномочия добровольно, это и есть реализация суверенитета.

Еще одним этапом интеграции Европейского союза, является Договор о введении Конституции для Европы. Данный договор был подписан 29 октября 2004 г., но в силу не вступил. Так как для вступления Конституции в силу её должны были ратифицировать все страны ЕС. Если хотя бы одна страна-член не ратифицирует Конституцию, она не вступит в силу; но это не приведёт к распаду ЕС, поскольку в таком случае все предыдущие договоры, подписанные его членами, останутся в силе. На референдумах, состоявшихся 29 мая 2005 года во Франции и 1 июня 2005 года в Нидерландах, проект Конституции ЕС был отвергнут. Во Франции против Конституции проголосовало 54,9 %, при этом явка

избирателей составила 70 %, что явилось очень высоким показателем. В Нидерландах, где явка избирателей составила 63 %, 61,6 % проголосовавших отвергли проект Конституции Европейского союза, "за" высказались 38,4 % (Butorina, Kaveshnikova, 2016: 92).

На саммите Европейского союза, состоявшемся 16–17 июня 2005 года, Великобритания, Португалия, Дания и Ирландия объявили о переносе на неопределенное время своих национальных референдумов. Швеция заявила, что не ратифицирует Основной Закон ЕС до тех пор, пока Франция и Нидерланды не проведут повторных референдумов.

Как считает Ю. Крук, что разработанная Конституция представляла довольно большую угрозу суверенитету национальных государств — членов Евросоюза. Документ позволял странам-членам использовать свою власть лишь в тех сферах, которые не являются компетенцией самого Европейского союза. Следовательно, при одобрении Конституции Европейского союза возможности утраты доли государственной суверенности быстро возрастали (Krook, 2009: 15).

Как отмечает А.А. Моисеев, федерация на основе Европейского союза вряд ли возможна, так как нет оснований, при которых договаривающиеся стороны были бы заинтересованы отказаться от суверенитета в пользу единого центра. Государства Европы традиционно стремятся к независимости с сохранением своего суверенитета (Moiseev, 2007: 37).

С данными высказываниями нельзя не согласиться. Государства-члены не согласились с увеличением полномочий у ЕС. Не поддержали данную идею и граждане государств, проголосовавших против Европейской Конституции. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с тем, что Конституция предполагала отказ от принципа консенсуса и замену его на принцип большинства и определяла компетенцию ЕС. Это могло негативно отразиться на национальных интересах государств - членов. В случае принятия Конституции, можно говорить о том, что у ЕС появляются признаки Конфедерации. Это связан с принципом «большинства» при принятии решений, единое гражданство, единая денежная система, единая наднациональная система органов, флаг и гимн. Однако, боязнь утратить суверенитет, а также забота о национальных интересах привело к отказу от данной идеи.

Однако на данном моменте европейская интеграция не заканчивается. В декабре 2007 был подписан Лиссабонский договор, который был призван реформировать систему управления Евросоюза и заменить не вступившую в силу Конституцию. По Лиссабонскому договору Европейское сообщество перестает существовать, а его правопреемником становится Союз в целом. То есть, вводится принцип единой правосубъектности. Это значит, что при заключении международных договоров, изданиях актов и в иных правоотношениях Союз выступает как единое целое.

В статье 4 договора были сформулированы основополагающие принципы взаимоотношений Европейского союза с его государствами-членами: принцип самобытности и идентичности. Следовательно, данные принципы предполагали, что несмотря на передаваемые Союзу полномочия, это не наносит ущерб государственному суверенитету.

В рамках анализа Лиссабонского договора, необходимо сказать, что многие ученые-конституционалисты (Ж.-П. Жакке, О. Бо, М. Тропер, В.Е. Чиркин, Б.А. Страшун) предлагают выделять помимо законодательной, исполнительной и судебной власти отдельный вид власти — учредительную власть. По их мнению, она представляет собой первичную, самостоятельную и независимую публичную власть, закладывающую фактические и/или правовые основы общественного и государственного строя (первоначальная) и затем корректирующую, пересматривающую их (институциональная). В конституциях большинства европейских государств указывается на то, что единственным источником власти выступает народ. Это означает, что с правовой точки зрения именно народу принадлежит первоначальная учредительная власть. Следовательно, учредительная власть обладает наивысшей легитимностью, а ее акты имеют больший вес по сравнению с актами других ветвей власти, т.к. они принимаются народом (непосредственно или через систему представительной демократии).

Попытка ЕС принять конституцию путем референдума в государствах-членах провалилась. Это дает нам основание полагать, что носитель первоначальной учредительной власти не поддержал идею создания единого Европейского государства. Лиссабонский договор был, в свою очередь, попыткой обойти первоначальную

учредительную власть, поскольку он был принят непосредственно государствами-членами ЕС, которые не обладают, в соответствии с положениями современной теории публичного права, первоначальной учредительной властью.

Исходя из вышесказанного, развитие европейского права и Европейских сообществ, расширение их компетенций положило начало Европейскому союзу. В последствие союз существенно расширил свою компетенцию, поскольку сотрудничество осуществлялось не только в экономической сфере, но и в области внешней политики, политики безопасности, а также внутренних дел и юстиции. Появились наднациональные органы и ввелось единое гражданство. В случае принятия Конституции, на наш взгляд можно говорить, что Европейский союз имел достаточно признаков, которые дают нам полагать, что перед нами Конфедерация. Однако попытка ввести единую Европейскую конституцию провалилась, тем самым ЕС не стал универсальным объединением, отличным от международной организации в ее общепринятом понимании. Народ, как носитель первоначальной учредительной власти, не поддержал идею создания единого Европейского государства. Здесь уместно привести в пример точку зрения А.В. Лафитского, который считает, что конфедерация – это объединение, которое является переходной либо к федеративной форме устройства, либо может привести к полному распаду союза (Lafitskiy, 1991: 32). Следовательно, международная организация может стать началом для конфедерации.

4. Результаты

В настоящее время в ЕС накопилось довольно много проблем. Так, 23 июня 2016 года прошел референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе. Созыв референдума был связан с недовольством Великобритании своим статусом. Великобритания предлагала Европейскому союзу решить ряд вопросов связанных с: а) обеспечением единства общего рынка для всех стран ЕС, а не только для стран Еврозоны; б) повышением конкурентоспособности ЕС и снижением уровня бюрократии и регулирования бизнеса; в) главным вопросом являлся отказ Великобритании участвовать в построении всё более тесного политического союза.

Неразрешение данных вопросов привело к тому, что 51,89 % британских поданных проголосовали за выход из Евросоюза, 48,11 % – высказались против (Official result). Следовательно, ожидается, что Великобритания покинет Европейский союз в 2019 году.

Считается, что последствия выхода из союза будут наиболее ощутимыми в таких областях, как прямые иностранные инвестиции, британский вклад в бюджет ЕС и миграция на британский рынок труда (Research Briefings).

5. Заключение

На сегодняшний день наблюдается кризис в отношениях Европейского союза и России. Ситуация на Украине колоссально изменила отношения между Россией и ЕС. ЕС обвинил Россию в аннексии Крыма и в использовании вооруженных сил на Украине. Россия возложила на ЕС большую долю политической ответственности за вооруженную и незаконную смену власти в Киеве. В итоге Евросоюз заявил, что не рассматривает РФ как своего стратегического партнера, что, в свою очередь, привело к масштабным санкциям в отношении России, которые поэтапно расширяются и периодически продлеваются. Европейский союз закрыл переговоры с РФ, по новому соглашению и визовой либерализации, прекратил отраслевые диалоги и консультации. Россия в ответ вела ограничения на импорт сельскохозяйственной продукции.

Хочется отметить, что не все государства-члены ЕС поддерживают санкции в отношении России. Аналогична позиция европейского бизнеса, который весьма жёстко завязан на Россию, и который отлично понимает, что вариантов у него немного: либо полномасштабное сотрудничество с Россией, либо мучительная гибель под прессом положений соглашения о свободной торговле с США. Ситуация на Украине столкнула интересы ЕС и РФ. Евросоюз и Россия исходят из того, что возврат к прежнему формату отношений не возможен.

Непринятие Конституции и дальнейшие интеграционные проблемы в ЕС, возникшие проблемы внутри Союза, а также взаимоотношения с РФ дают понять, что Европейский

союз на сегодняшний день так и остался международной организацией, но с рядом признаков.

References

- Balzamova, 2012** – *Balzamova, N.L.* (2012). Evolutsiya zakonodatelstva Yevropeyskogo soyuza o pravovom poloshenii grashdan stran ne vxodishux v ES. [Evolution of the legislation of the European Union on the legal status of citizens of non-EU countries]. Dis. ... of candidate of legal sciences. M. 198 p. [in Russian]
- Best trading partners, 2017** – Best trading partners, 2017 – trading statistics [Electronic resource]. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_122530.04.2018.pdf (date of access: 24.03.2020).
- Bezborodov, 2019** – *Bezborodov, Y.S.* (2019). Metody i formy pravovoj konvergencii v mezhdunarodnom prave. Avtoref. diss.... dokt. jurid. nauk. Ekaterinburg [Methods and forms of legal convergence in international law. Author. diss ... Dr. legal sciences]. Yekaterinburg. 358 p. [in Russian]
- Biriukov, Galushko, 2018** – *Biriukov, P.N., Galushko, D.V.* (2018). Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnik [Comparative Law: Textbook]. Voronezh: ID VGU. 378 p. [in Russian]
- Biriukov, Ponamorenko, 2016** – *Biriukov, P.N., Ponamorenko, V.E.* (2016). Valyutnoye pravo [The Currency Law: Textbook]. M. 286 p. [in Russian]
- Biryukov, 2004a** – *Biryukov, M.M.* (2004). Noviu Evropeyskiu sous obrazca 2004 i mezhdunarodnoe parvo [The new European Union of 2004 and international law]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. № 3. Pp. 137-143 [in Russian]
- Biryukov, 2004b** – *Biryukov, M.M.* (2004). Sovremennoe razvitie Yevropeyskogo soyuza: mezhdunarodno-pravovoy podkhod. [Modern development of the European Union: an international legal approach]. 334 p. [in Russian]
- Borisenok, 2015** – *Borisenok, E.U.* (2016). Kontseptsiya «ykrainizatsii» I ih realizatsiya v nacionalnoy politike v gosudarstvakh vostochnoevropeyskogo regiona (1918-1941). diss.... dokt. jurid. Nauk. [Concepts of "Ukrainization" and their implementation in national policy in the States of the Eastern European region (1918-1941). diss ... dr. legal sciences]. M. 205 p. [in Russian]
- Borko, 1994** – *Borko, U.A.* (1994). Maastriskoy dogovor; trudnosti ratifikatsii, poisk resheniy, perspektiv [Maastricht Treaty: difficulties of ratification, search for solutions, prospects]. M. 30 p. [in Russian]
- Borko, 2003** – *Borko, U.A.* (2003). Ot yevropeyskoy idei – k edinoj Evrope [From the European idea – to a United Europe]. M. 464 p. [in Russian]
- Butorina, Kaveshnikova** – *Butorina, O.V., Kaveshnikova, N.U.* (2016). Yevropeyskaya integratsiya [European integration]. M. 735 p. [in Russian]
- Filippov, 2016** – *Filippov, O.A.* (2016). Protivorechiya globalizatsii i interesy mezhdunarodnoj i nacional'noj bezopasnosti [Contradictions of globalization and the interests of international and national security]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. № 8. Pp. 329-330. [in Russian]
- Kashkin, Chetverikov, 2000** – *Kashkin, S.U., Chetverikov, A.O.* (2000). Shengenskiye soglasheniya [Schengen agreement]. M. 192 p. [in Russian]
- Kolyar, 1972** – *Kolyar, K.* (1972). Mezhdunarodnyye organizatsii [International organization]. M. 632 p. [in Russian]
- Krook, 2009** – *Krook, U.* (2009). Konstitutsiya Yevropeyskogo soyuza. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy [Constitution of the European Union. Journal of International law and International relations]. M. 541 p. [in Russian]
- Lafitskiy, 1991** – *Lafitskiy, V.I.* (1991). Doroga vedushchaya v tupik? O konfederativnoy forme gosudarstvennogo ustroystva. [The road leading to a dead end? On the Confederate form of government]. *People's Deputy*. № 4. Pp. 29-34.
- Lazarev, 1976** – *Lazarev, V.V.* (1976). Pravopolozheniye: ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme juridicheskogo vozdejstviya [Legal positions: concept, origin and role in the mechanism of legal impact]. *Pravovedeniye*. № 6. Pp. 3-15. [in Russian]
- Merger Treaty** – Brussels Treaty. [Electronic resource]. URL: <http://europa.eu/eu-law/decision-making/treaties> (date of access: 03.03.2020).

Moiseev, 2007 – *Moiseev, A.A.* (2007). Sootnosheniye suvereniteta I nadgosudarstvennosti v sovremennom mezhdunarodnom prave [Correlation of sovereignty and supranationality in modern international law (in the context of globalization)]. Moscow. 46 p. [in Russian]

Shafirov, 2004 – *Shafirov, V.M.* (2004). Estestvenno-pozitivnoe pravo: Vvedenie v teoriyu. [Naturally-positive law: Introduction to theory]. Krasnoyarsk. 260 p. [in Russian]

Teyubov, 2011 – *Teyubov, R.T.* (2011). Problemy rasshireniya v sovremennykh usloviyakh. [The problem of enlargement of the EU in modern conditions]. M. 15 p. [in Russian]

Tunkin, 2016 – *Tunkin, G.I.* (2016). Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of international law]. M. 416 p. [in Russian]

Политико-правовой статус международной организации: современные проблемы

Сергей А. Красов^{a, *}, Яков Тихонов^a

^a Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена анализу политико-правового статуса Европейского Союза. Рассматривается история становления и развития ЕС. Автор обосновывает вывод, что включение страны в Европейский союз является политическим решением. Этот факт подтверждается примером пятого расширения ЕС и попыткой включить Турцию в ЕС. Проведено сравнение интеграционных процессов, происходящих при образовании СССР и ЕС; сделан вывод, что они схожи. На первом этапе интеграции появляются общие органы власти; после этого органы ЕС объединяются и устанавливают свободные границы. Рассматривается вопрос о политико-правовой форме ЕС. Автор приходит к выводу, что развитие европейского права и, расширение их компетенций, появление общих институтов, открытие границ, введение единого гражданства, принятие единой европейской валюты могло привести ЕС к Конфедерации. Однако Европейская конституция не была принята, поэтому ЕС не стал универсальной международной организации в ее общепринятом смысле.

Ключевые слова: суверенитет, наднациональность, интеграция, международный договор, международная организация, конфедерация, федерация.

* Корреспондирующий автор

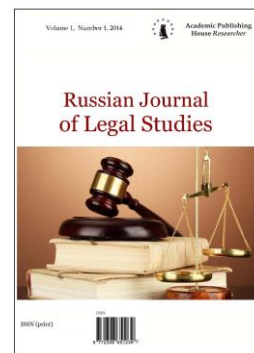
Адреса электронной почты: krasov57@icloud.com (S. Krasov), especial357@gmail.com (Ya. Tikhonov)

Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Russian Journal of Legal Studies
Has been issued since 2014.
E-ISSN: 2413-7448
2020, 7(1): 47-57

DOI: 10.13187/rjls.2020.1.47

www.ejournal25.com

The Rights of Some of the Most Vulnerable Groups in International and National Law

Sergey E. Smirnykh ^{a, *}^a Russian Association of International Law, Russian Federation

Abstract

The article discusses the rights of some of the most vulnerable groups of the population in international and national law. In particular, it is noted that the rights of the most vulnerable groups of the population as a type of human rights exist within certain states. The implementation and protection of the rights of the most vulnerable groups of the population is a pressing issue, both for the entire international community and for individual states. The interaction of international and national law in the field of the rights of the most vulnerable groups of the population is carried out to satisfy social interests.

One of the challenges in protecting the rights of the most vulnerable groups of the population is the need to intensify efforts to eradicate all forms of violence against women. In the context of globalization, the rights of children and persons with disabilities are also of great importance, both for individual states and for the entire world community as a whole.

Keywords: international law; the rights of the most vulnerable groups of the population, the elimination of all forms of violence against women and of children; the rights of the disabled, national law.

1. Введение

Понятие наиболее уязвимых групп населения появилось в международном праве во второй половине XX века. До этого в международном праве не было термина, который объединял бы женщин, детей, подростков, инвалидов и многие другие уязвимые группы населения. В современном мире термин «уязвимые группы населения» все чаще находит свое закрепление в международно-правовых документах.

Следует иметь в виду, что права наиболее уязвимых групп населения существуют в рамках определенных государств. Каждый человек пользуется только теми правами и свободами – социальными, экономическими и политическими, гражданскими и культурными, которые предусмотрены конституцией и законами тех стран, где эти люди живут (Movchan, 1982: 20).

2. Материалы и методы

В процессе исследования применялся комплексный подход к рассмотрению изучаемых проблем. Автор руководствовался положениями общей теории права и государства и теории международного права.

* Corresponding author

E-mail addresses: marya_babanova@inbox.ru (S.E. Smirnykh)

При подготовке статьи были использованы следующие методы: анализ и синтез, абстрагирование, обобщение, дедукция, моделирование, сравнительно-правовой метод и многие другие.

Права наиболее уязвимых групп населения исследуются в их историческом развитии, учитывая сложный процесс реализации, закономерностей становления и эволюции. Сравнительный метод как один из главных методов современного правоведения использован в сочетании с другими методами научного познания и позволил выявить сходства и различия прав наиболее уязвимых групп населения в международном и национальном праве.

Логический метод исследования прав наиболее уязвимых групп населения основан на законах формальной логики.

3. Обсуждение

Необходимо иметь в виду, что осуществление и защита прав наиболее уязвимых групп населения в современном международном праве возможна только совместными усилиями государств.

Одна из важнейших функций государств в современном мировом сообществе заключается в обеспечении возможностей осуществления прав детей и создании механизмов, призванных защищать права этих групп населения от посягательств и способствовать их восстановлению.

В современном мире происходит опасный процесс ослабления международного права, девальвация его принципов и норм. Сложившийся мировой правопорядок находится под угрозой коллапса. Однако в случае вовлечения в этот процесс всех стран мира возможно достижение разрядки напряженности на мировом уровне, укрепление международных механизмов защиты прав человека, прогрессивное развитие международного права.

Содержанием международно-правового регулирования вопросов прав детей в меняющемся миропорядке является сотрудничество государств, основанное на международно-правовых актах, различных по форме и юридической силе, но авторитетных в силу единодушного признания важности предмета регулирования и его приоритета среди других проблем.

Как отметил Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 г., судьба России, ее историческая перспектива в значительной степени зависит от численности населения. Россия вступила в очень сложный демографический период. Его особенность заключается в том, что благодаря принятым мерам, удалось добиться положительных результатов в демографии. И даже выйти на естественный прирост населения.

Поддержка семьи и ее ценностей - это всегда обращение к будущему, к поколениям, которым предстоит жить в эпоху колоссальных технологических и общественных изменений, определять судьбу России в XXI веке. И чтобы уже сейчас они могли участвовать в создании этого будущего и в полной мере раскрыли свой потенциал, необходимо сформировать все необходимые условия для этого.

Следует иметь в виду, что механизм обеспечения защиты прав и свобод человека в современных условиях представляет собой сложный правовой комплекс, включающий в себя как внутригосударственные, так и международные средства. При этом регулирующее воздействие международного права проникает в такие сферы, которые ранее составляли исключительную компетенцию государств. Индивид все больше соприкасается с международным правом, совершенствуются формы и способы международно-правового воздействия на поведение человека (Samovich, 2007: 4-5).

В связи с этим Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Кофи Аннан отмечал, что в центре деятельности Организации Объединенных Наций должен находиться человек, его права, свободы и интересы (Kofi Annan, 1999: 19).

Защита прав наиболее уязвимых групп населения является актуальной проблемой, как для всего международного сообщества, так и для отдельных государств.

В связи с этим представляется необходимым определить понятие наиболее уязвимых групп населения в международном праве. Вызывает интерес вопрос о правовом положении индивида в международном праве.

В теоретической правовой литературе существуют различные точки зрения по вопросу о том, является ли индивид субъектом международного права.

Так, С.В. Черниченко утверждает, что индивиды объективно не могут в полной мере участвовать в международных отношениях и к ним не должны применяться нормы международного права (Chernichenko, 2014: 328).

По мнению Н.А. Ушакова физические лица не могут являться субъектами международного права, поскольку они находятся в подчинении юрисдикции тех или иных государств, а субъектов международного права характеризует взаимная неподчинённость какой-либо власти (Ushakov, 2000 : 21).

Э. Химменес де Аречага, признавал возможность предоставления межгосударственным договорным индивидам определенных прав, а также их международных средств защиты (Jimenez de Arechaga, 1983: 259-260).

Следует отметить, что внутригосударственное и международное право обладают своими особыми объектами и субъектами правового регулирования. В частности, объектом внутригосударственного правового регулирования являются общественные отношения, складывающиеся внутри государства, а объектом международно-правового регулирования – общественные отношения, возникающие в рамках международного сообщества государств (Ushakov, 2000: 9).

В связи с этим следует отметить, что международное и национальное право в сфере прав наиболее уязвимых групп населения различается в зависимости от объекта правового регулирования. Так, объектами внутригосударственного регулирования прав наиболее уязвимых групп населения являются общественные отношения, которые складываются внутри государств. Объектами же международно-правового регулирования в сфере прав наиболее уязвимых групп населения должны быть общественные отношения, возникающие в рамках международного сообщества государств.

Следует иметь в виду, что международное право и национальное право создаются одними и теми же субъектами, и первое часто выступает по отношению ко второму как система более высокого уровня (Bezborodov, 2019: 3).

Международное и национальное право в области прав наиболее уязвимых групп населения действуют в различных сферах и представляют собой самостоятельные правовые системы, между которыми существует определенное взаимодействие.

Национальное право государств воздействует на содержание принимаемых им норм международного права. Государства не станут создавать для себя обязательства, противоречащие их идеям и установкам (Lukashuk, Shinkaretskaya, 2003: 48).

В связи с этим следует иметь в виду, что национальное право определяет степень и условия доступа положений международного права о правах наиболее уязвимых групп населения в национальную правовую систему. При этом следует иметь в виду, что нормы международного права о правах наиболее уязвимых групп населения не могут войти в состав национального права, минуя конституции.

Представляется необходимым согласиться с утверждением С.В. Черниченко о том, что международное и внутригосударственное право являются самостоятельными системами права (Chernichenko, 1999: 130-131).

Следует отметить, что в России взаимодействие международного и национального права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения осуществляется на основании ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в силу которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

В силу ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Следует иметь в виду, что роль международного права как основы для развития внутригосударственного права требует включения в процесс реализации внешнеполитического курса Российской Федерации государственных органов, наделенных полномочиями по участию в процедуре взаимодействия международного и внутригосударственного права (Lisitsyn-Svetlanov, 2013: 316).

В связи с этим целесообразно отметить, что роль международного права в процессе осуществления прав наиболее уязвимых групп населения на национальном уровне требует участия органов государственной власти, наделенных необходимыми полномочиями.

Представляется необходимым признать факт взаимодействия международного и национального права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения. Международное и национальное право взаимно влияют друг на друга в сфере прав наиболее уязвимых групп населения.

Следует согласиться с утверждением Б.Л. Зимненко о том, что взаимодействие международного и внутригосударственного права носит взаимообусловленный характер, означающий, что в настоящее время реализация международного права не может быть надлежащим образом обеспечена без помощи внутригосударственного права, как и последнее будет испытывать значительные трудности без содействия международного права (Zimnenko, 2006: 19).

В связи с этим следует отметить, что реализация закрепленных в международных соглашениях положений о правах наиболее уязвимых групп населения также не может быть надлежащим образом обеспечена без участия внутригосударственного права. Права наиболее уязвимых групп населения, закрепленные в национальном праве, также не могут быть в полной мере осуществлены без содействия международного права.

Существенные изменения, происходящие в современном международном праве в значительной степени связаны с закреплением в международных договорах положений о защите прав наиболее уязвимых групп населения.

В мире происходит переоценка и переосмысление многих норм о гарантиях защиты прав наиболее уязвимых групп населения. Они претерпевают изменения в связи с необходимостью адаптации к новым условиям.

Необходимость исследования вопросов защиты прав наиболее уязвимых групп населения в меняющемся миропорядке определяется многими обстоятельствами, в том числе и тем, что традиционно понимаемые принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств представляют собой в настоящее время главное препятствие для создания всеобщего мира и справедливости.

Принципы и нормы современного международного права могут стать важными гарантиями защиты прав наиболее уязвимых групп населения. Обеспечение гарантий защиты прав наиболее уязвимых групп населения невозможно без опоры на основные принципы международного права, в том числе и на право народов на самоопределение.

Следует иметь в виду, что вопрос о правах детей длительное время обсуждался в рамках Организации Объединенных Наций. Многократно делались предложения о признании права меньшинств на самоопределение. Однако эти предложения, как правило, отвергались большинством участников переговоров*.

Гарантии защиты прав наиболее уязвимых групп населения до принятия Устава Организации Объединенных Наций распространялись на ограниченную группу договаривающихся государств.

В современном мире, наполненном запасами различных видов оружия, особенно важно всем государствам соблюдать Устав Организации Объединенных Наций, общепризнанные принципы и нормы и пресекать их преступные нарушения.

Необходимо иметь в виду, что, несмотря на различные кризисы в области правоприменения, международное право постоянно развивается, а его принципы и нормы наполняются все новым содержанием. В связи с активным развитием международного права особое значение приобретают гарантии защиты прав наиболее уязвимых групп населения в меняющемся миропорядке.

Гарантии защиты прав наиболее уязвимых групп населения должны быть фактически интегрированы во все аспекты деятельности Организации Объединенных Наций. Особое значение имеет связь гарантий прав наиболее уязвимых групп населения с укреплением международного мира и безопасности.

* Human Rights Study Series. Study on the Rights of Persons Belonging to Ethnic, Religious and Linguistic Minorities. N.Y. 1991.

Механизмы защиты прав детей постоянно развиваются, изменяется их содержание и увеличивается влияние на международные отношения. Процессы глобализации свидетельствуют о том, что обеспечение всеобщей безопасности населения может быть достигнуто только при соблюдении ряда факторов, одним из которых являются гарантии защиты прав детей.

Развитие механизмов защиты прав наиболее уязвимых групп населения происходило в течение многих столетий, прежде чем оно стало всеобщим и универсальным. В настоящее время защита прав детей возникла в результате создания Организации Объединенных Наций и принятия ее Устава.

При этом не представляется возможным согласиться с учеными, которые утверждают, что Устав Организации Объединенных Наций только лишь кодифицировал международное право при помощи письменного изложения уже существующих норм, не предусмотрев ничего нового в этом отношении.

Этот основополагающий международный договор кодифицировал действующие международные обычаи и договорные положения, но и фактически создал основы для современного международного права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения, зафиксировав принципы и нормы.

В связи с этим следует иметь в виду, что в XIX веке широко использовалось «правомерное применение силы для защиты жизни и собственности своих граждан» (Brownlie, 1950: 121).

Международное право признает право государств применять вооруженную силу для защиты жизни и собственности своих граждан за рубежом в тех ситуациях, когда страны пребывания не могут предоставить им ту защиту, на которую они имеют право (Jessup, 1949: 169).

В связи с этим следует иметь в виду, что государства вправе защищать права наиболее уязвимых групп населения и применять для этого вооруженную силу для защиты их жизни и собственности.

В теории международного права существуют различные точки зрения на соотношение международного и внутригосударственного права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения.

Следует отметить, что дуалистическая теория соотношения международного и внутригосударственного права основана на признании международного и внутригосударственного права двумя различными правовыми системами.

Теория объективного дуализма предполагает, что международное и внутригосударственное право разделяют объективные границы, которые не зависят от законодателя и намерения сторон.

Права наиболее уязвимых групп населения с позиции объективного дуализма в международном и национальном праве разделяют объективные границы.

На практике вызывает интерес вопрос о том, как решать проблемы коллизий между международно-правовыми обязательствам государств в сфере прав наиболее уязвимых групп населения и положениями законодательства отдельных государств. Существенное значение имеют международно-правовые обязательства, которые планируют взять на себя государства в области прав наиболее уязвимых групп населения. Они не должны создавать для себя неразрешимых проблем. Обязательства, требующие внесения изменений в законодательство государств в области прав наиболее уязвимых групп населения, представляется целесообразным не брать на себя. В противном случае государства с момента принятия на себя подобных обязательств окажутся в положении нарушителей международного права. Имеет также существенное значение чтобы государства не приминали никаких внутренних правовых актов в сфере прав наиболее уязвимых групп населения, противоречащих международно-правовым обязательствам.

Если придерживаться точки зрения о том, что международное право может регулировать права наиболее уязвимых групп населения в национальном праве государств, то исчезает объект международно-правового регулирования.

С позиции монизма положения международных договоров в случае их расхождения с положениями конституций в области прав наиболее уязвимых групп населения должны иметь прямое действие в национальном праве государств. При этом решения

международных организаций обязательного характера по вопросам прав наиболее уязвимых групп населения, относящиеся к вопросам внутренней жизни этих стран могут непосредственно регулировать внутригосударственные отношения.

Дуалистическая же теория соотношения и взаимодействия международного и национального права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения может быть использована в качестве объяснения того, почему внутригосударственное право не соответствует некоторым положениям международного права.

О приоритете международного права над внутригосударственным в сфере прав наиболее уязвимых групп населения можно рассуждать в рамках дуалистической концепции. При этом под приматом международного права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения можно понимать необходимость приведения внутригосударственного права в соответствие с международно-правовыми обязательствами государств.

Объективный дуализм позволяет представить принципиальную схему соотношения международного и внутригосударственного права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения, но не может устранить практических трудностей, связанных с таким соотношением.

Примат международного права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения означает такое состояние международных отношений, которое предполагает соблюдение их участниками международно-правовых обязательств.

Одной из проблем в области соотношения национального и международного регулирования прав наиболее уязвимых групп населения остается в тех случаях, когда положения международного права признаются действующими в сфере внутригосударственного права.

Если приоритет будет отдан внутригосударственному праву в области прав наиболее уязвимых групп населения, то можно будет констатировать воплощение монизма с отрицанием обязывающей силы норм международного права.

Представляется необходимым рассмотреть сущность и механизм взаимодействия международного и внутригосударственного права в сфере прав наиболее уязвимых групп населения. В частности, сущность взаимодействия международного и внутригосударственного права в области прав наиболее уязвимых групп населения заключается в их согласовании в процессе правотворчества и правоприменения. Этот процесс можно именовать трансформацией международного права во внутригосударственное право в области прав наиболее уязвимых групп населения.

Следует отметить, что международное и внутригосударственное право в области прав наиболее уязвимых групп населения не подчинены одно другому. Нормы международного права о правах наиболее уязвимых групп населения не стоят выше норм внутригосударственного права. Они действуют и осуществляются в разных сферах.

В связи с этим вызывает интерес вопрос о разграничении внутригосударственного и международного правопорядков в области прав наиболее уязвимых групп населения, под которыми понимаются системы существующих в данных обществах правоотношений и правовых связей.

Одной из наиболее уязвимых групп населения в международном праве являются дети. В связи с этим следует иметь в виду, что вопросы осуществления прав детей приобретают все большую актуальность. В настоящее время глобализация представляет собой объективную реальность, обусловленную замкнутостью планеты, формированием мирового хозяйства, глобальными коммуникациями и т.д. (Churov, Ebzeev, 2015: 4).

Процессы глобализации вызвали проблемы в области обеспечения безопасности, как на международном, так и на национальном уровне. Развитие научно-технического прогресса, информационно-телекоммуникационных технологий нивелировали возможности организационного и политического контроля (Filippov, 2016: 329).

В связи с этим следует иметь в виду, что в современном мире каждый ребенок имеет право на улучшение своих условий жизни, в том числе путем поиска наилучших возможностей получения образования и средств к существованию в своих странах, а также за их пределами.

Миграция детей является постоянным явлением в истории человечества. Дети передвигались по Земле для выживания или в поисках лучших условий существования, либо были вынуждены переселяться из-за преследований. С глобализацией появились расширенные рыночные возможности и более доступные средства связи и транспорта.

Согласно определению Международной организации по миграции, мигрантами являются любые лица, которые перемещаются или уже переместились через международные границы или внутри государств и покинули места своего обычного жительства независимо от юридического статуса, добровольного или недобровольного характера перемещения, причин перемещения, или продолжительности пребывания.

При этом в силу Решения Экономического Суда Содружества Независимых Государств 1996 г. «в соответствии с общим значением «понятия» мигрант, оно означает лиц, осуществляющих пространственные перемещения вне зависимости от причин перемещений, их длительности и пространственных границ».

Глобализация заложила основу для наиболее легкого и быстрого передвижения детей, но такая мобильность может быть либо облегчена, либо ограничена односторонней политикой стран, двусторонними, региональными и многосторонними соглашениями.

Следует отметить, что под детьми-мигрантами понимаются лица моложе восемнадцати лет, «которые мигрируют через национальные границы отдельно от своих семей». При этом различаются четыре категории детей, определяемые основной целью миграции: дети, которые путешествуют в поисках возможностей, будь то дети, которые путешествуют, чтобы выжить - чтобы избежать преследования или войн, жестокого обращения с семьями, крайней нищеты; дети, которые путешествуют для воссоединения семей – присоединиться к зарегистрированным или незарегистрированным членам семьи, которые уже мигрировали.

Необходимо иметь в виду, что в современном мире существует миграция детей, которые ищут убежища, спасаются от преследований по признакам расы, религии, национальности, принадлежности к определенным социальным группам.

Транзитная миграция относится к регулярному или нерегулярному перемещению детей через любые государственные границы в поисках занятости в страны происхождения или в места обычного проживания.

Под контрабандой детей-мигрантов представляется возможным понимать оказание помощи лицам, не являющимся гражданами или постоянными жителями, для въезда и пребывания в государствах без соблюдения необходимых требований для законного въезда и пребывания в государствах.

Следует отметить, что протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. закрепил положение о том, что «незаконный ввоз мигрантов» означает обеспечение, с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды от незаконного въезда лиц в государства.

Соблюдение прав детей-мигрантов является основополагающей обязанностью всех государств и должно лежать в основе политики и практики в отношении их обращения со стороны государственных органов во всех ситуациях. Законы, политика и практика в странах происхождения, транзита и назначения оказывают влияние на защиту прав детей-мигрантов.

Защита прав детей-мигрантов является ключевой проблемой в современном мире в эпоху глобализации. Глобализация также подразумевает рост мобильности детей, что вызывает необходимость пересмотра защиты прав детей, находящихся в движении, для решения новых задач.

Труд детей-мигрантов в настоящее время имеет жизненно важное значение для многих стран, в то время как денежные переводы мигрантов стали необходимостью для многих домашних хозяйств в странах их происхождения. Экономическая важность миграции требует принятия соответствующих мер для учета ее человеческого измерения, включая, в частности, права и обязанности детей-мигрантов.

На международном уровне существует целый ряд документов по правам человека, поощряющих права детей-мигрантов. Определяя гражданство, допуск, условия пребывания

и высылки детей-неграждан, если дети-неграждане находятся на территории каких-либо государств, то эти государства должны уважать и обеспечивать права детей.

За последние несколько десятилетий, когда все больше государств согласились на обязательность международных договоров по правам человека, произошли серьезные изменения в способах защиты прав детей-мигрантов. Это повлекло за собой переход от классической системы дипломатической и консульской защиты, осуществляемой государствами гражданства мигрантов, к прямой защите личности детей.

В сфере миграции важно усилить роль и действие механизмов в области защиты прав детей-мигрантов. Страны происхождения, транзита и назначения детей-мигрантов должны активизировать свои усилия по искоренению контрабанды и торговли мигрантами, которые приводят к травмам и гибели сотен детей каждый год. С этим явлением необходимо бороться путем тесного международного сотрудничества всех заинтересованных стран. Эффективные санкции должны применяться к лицам и группам, которые организуют незаконный ввоз и торговлю мигрантами, признавая при этом необходимость защиты жертв этих преступлений.

Миллионы детей перемещаются через границы государств в надежде избежать насилия и конфликтов, бедствий или бедности, и найти лучшие условия для жизни. Сотни тысяч детей перемещаются самостоятельно когда у них мало возможностей для легального передвижения. Серьезные пробелы в законах, политике государств, предназначенных для защиты детей-мигрантов лишают их защиты и безопасности. Обездоленные, незащищенные и часто одинокие дети-мигранты, находящиеся в пути, могут стать легкой добычей для торговцев людьми и других лиц, которые злоупотребляют их уязвимым положением и эксплуатируют.

Дети-мигранты иногда задерживаются в транзитных зонах аэропортов и других пунктах въезда без каких-либо четких разрешений, либо с ведома правительственных чиновников в аэропортах, либо просто по инструкциям авиакомпаний до возвращения в свои страны. Сложность или невозможность получения какой-либо внешней помощи препятствует осуществлению права заинтересованных лиц оспаривать законность решений государств о задержании и возвращении и ходатайствовать о предоставлении убежища даже при наличии законных требований. На практике некоторые государства вводят в заблуждение центры задержания мигрантов как «транзитные центры» или «гостевые дома» и «задержание» как «задержание» в отсутствие законодательства, разрешающего лишение свободы.

Признанным результатом глобализации стало увеличение числа детей, которые по разным причинам выезжают за пределы государств своего гражданства. Резкое увеличение детей-мигрантов привело к ряду проблем в системах, которые их защищают. По мере возникновения различных миграционных явлений существует необходимость улучшения и внедрения новых механизмов защиты прав детей. После Второй мировой войны было введено множество законов, политик и руководств по защите людей за пределами их государств, но это было сделано в разные периоды, с использованием различных организационных и правовых рамок.

Следует отметить, что различие между нелегальной и легальной миграцией детей имеет существенное значение, поскольку оно лежит в основе определений регулярной, незаконной, принудительной и добровольной миграции. Вид миграции детей определяет их статус в стране и, следовательно, их доступ к защите и социальным услугам. Способы передвижения детей могут предполагать широкое использование контрабандистов и торговцев детьми, подделку документов, подкуп должностных лиц – все это методы, которые используются для незаконного пересечения границ. Несмотря на широко распространенные нарушения прав детей, которые происходят во время незаконных перевозок в пределах границ стран, именно на основе законности статуса детей правительства оценивают их право оставаться в пределах своих границ.

По мере прибытия большого числа беженцев и мигрантов дети среди них обычно остаются в условиях, которые считались бы неприемлемыми для детей, родившихся в странах их происхождения. Они томятся в переполненных убежищах, оказываются во временных лагерях или подвергаются опасности на улицах. Иногда соотечественники заставляют их работать в условиях эксплуатации в обмен на жилье и еду. Недоверие к

властям и боязнь задержания и депортации в ряде случаев не позволяют детям реализовать свое право на защиту и поддержку.

Закрывание границ и меры по сдерживанию могут привести к тому, что дети и их семьи окажутся в затруднительном положении в странах, где они не хотят оставаться, не приветствуются или имеют мало перспектив. В условиях, когда они не имеют возможностей двигаться дальше или вернуться назад, они оказываются в ловушках и в ситуациях неопределенности, которая способствует возникновению беспокойства, отчаяния, что зафиксировано среди детей в Греции и на австралийских перерабатывающих предприятиях в Науру.

Некоторые дети избегают властей из-за боязни задержания, живут на улицах в ужасных условиях и иногда занимаются проституцией или прибегают к мелким преступлениям, поскольку они копят деньги для того, чтобы облегчить их дальнейшие путешествия.

Следует иметь в виду, что проблема детей-беженцев относится к числу наиболее важных в международном праве в течение последних нескольких десятилетий. Причины увеличения потоков детей-беженцев заключаются в ситуациях, формирующихся в рамках взаимоотношений людей и «обусловлены ситуациями, возникновение которых не зависит от воли людей, например, стихийными бедствиями».

Следует иметь в виду, что впервые понятие «беженец» было сформулировано на состоявшейся в Женеве в мае 1926 г. конференции по проблемам русских и армянских беженцев. Согласно этому определению статус беженцев характеризовался тремя основными чертами: национальным или этническим происхождением; отсутствием защиты со стороны государства происхождения; приобретением гражданства иного государства.

Согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. под беженцами понимаются лица, которые «не имея определенного гражданства и находясь вне стран своего прежнего обычного местожительства» не могут или не желают вернуться в нее вследствие опасений преследования.

Современная система не работает с детьми-беженцами и детьми-мигрантами. Государства несут ответственность за защиту своих прав и защиту всех детей в пределах их границ без исключения.

Когда мировые лидеры приняли Нью-Йоркскую Декларацию о беженцах и мигрантах 2016 г., они признали неотложные и неудовлетворенные потребности уязвимых детей-мигрантов, особенно несопровождаемых и разлученных детей, которые не могут претендовать на международную защиту в качестве беженцев.

В числе причин, которые мотивируют детей совершать поездки в одиночку – желание воссоединиться с членами своих семей за границей. Другие стремятся к тому, чтобы их семьи жили лучше. Миграции детей также способствует распад семей, насилие в семьях, детские браки и принудительная воинская повинность.

Независимо от их мотивации, дети-мигранты часто находят мало возможностей легального передвижения. Воссоединение семей, гуманитарные визы, места для переселения беженцев и рабочие или учебные визы недоступны для большинства. Но барьеры для легальной миграции не мешают детям перемещаться, они только способствуют их нелегальному положению.

В ситуациях, когда семьи и дети пытаются переезжать, они, как правило, сталкиваются с барьерами и в связи с этим процветает контрабанда людей. Контрабандисты варьируются от людей, помогающих другим нуждающимся за плату, до организованных преступных сетей.

По оценкам Европола, 20 процентов подозреваемых контрабандистов связаны с торговлей людьми – они помогают детям пересекать границы только для того, чтобы продать их в эксплуатацию, что является сродни современным формам рабства.

Следует отметить, что дети представляют собой особо уязвимую группу мигрантов. Они обычно обладают не такой устойчивой психикой, как взрослые, и более подвержены травмам, поскольку физически и психологически они не достигли зрелости, и являются менее опытными. Помимо возраста факторы, влияющие на специфические для детей уязвимости, могут включать образование, этническую принадлежность, маршрут, обстоятельства поездок и причины поездок. Дети часто подвергаются рискам причинения

им насилия и жестокого обращения; они могут пострадать от рук контрабандистов или быть порабощены торговцами детьми.

Тем не менее, данные и доказательства уязвимости детей-мигрантов и вынужденных переселенцев ограничены. Несмотря на эти первоначальные данные об уязвимости детей, существует недостаточное понимание концепции, что представляет собой уязвимость, как ее можно усиливать или уменьшать под воздействием различных факторов и как она проявляется в реальных ситуациях. Исследования ограничены и дают лишь некоторое представление о факторах уязвимости и способах, которыми они взаимодействуют и усиливают друг друга. Помимо нескольких количественных исследований с достаточно дезагрегированными данными, большая часть знаний, доступных исследователям, основана на качественных отчетах о детском опыте. Более того, хотя недавние исследования указывают в правильном направлении, международному сообществу еще далеко до создания международно признанных механизмов сбора данных, которые могли бы пролить свет на динамику уязвимостей.

Следует отметить, что уязвимость детей-мигрантов связана с рисками и уязвимостями в странах их проживания. Разделение семей в процессе миграции является серьезным нарушением прав детей и единства семей, в результате чего дети и взрослые подвергаются серьезному риску получения психологических травм.

Работа по предоставлению международной защиты или работы с детьми-мигрантами может занимать многие месяцы или годы, в течение которых дети часто не имеют полного доступа к медицинским и образовательным услугам или живут в неуверенности и страхе быть возвращенными в свои страны происхождения. Часто дети-мигранты не имеют регулярного доступа к медицинскому обслуживанию, образованию в школах и доступа к правосудию. В странах, которые не предлагают перспективу определенного вида на жительство, но вместо этого намереваются вернуть детей в свои родные страны или в безопасные третьи страны, дети часто выбирают подпольную жизнь, которая, как правило, связана с мелкими преступлениями, наркоманией и сговором с криминальными сетями для того, чтобы избежать депортации.

4. Результаты

Результатами исследования прав наиболее уязвимых групп населения является выявленная необходимость более глубокого и детального анализа вопросов их осуществления и защиты.

5. Заключение

В заключение следует отметить, что права таких наиболее уязвимых групп населения, как дети часто нарушаются как на международном, так и на национальном уровне.

В связи с этим представляется необходимым принять международную конвенцию «О реализации и защите прав наиболее уязвимых групп населения», которая предусматривала бы положения о понятии наиболее уязвимых групп населения и гарантиях осуществления и защиты их прав как в международном, так и в национальном праве.

References

- Bezborodov, 2019** – *Bezborodov Y.S.* (2019). *Metody i formy pravovoj konvergencii v mezhdunarodnom prave* [Methods and forms of legal convergence in international law]. Avtoref. diss.... dokt. jurid. nauk. Ekaterinburg. [in Russian]
- Brownlie, 1950** – *Brownlie, I.* (1950). *International Law and Human Rights*. L.
- Chernichenko, 2014** – *Chernichenko, S.V.* (2014). *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy* [The contours of international law. General issues]. M.: «Nauchnaya kniga». [in Russian]
- Chernichenko, 1999** – *Chernichenko, S.V.* (1999). *Teoriya mezhdunarodnogo prava. Tom 1. Sovremennye teoreticheskie problemy* [The theory of international law. Volume 1. Modern theoretical problems]. M.: NIMP. [in Russian]
- Churov, Ebzeev, 2015** – *Churov, V.E., Ebzeev, B.S.* (2015). *Globalizaciya. Mezhdunarodnye gumanitarnye standarty. Suverenitet Rossii* [Globalization. International Humanitarian Standards. Sovereignty of Russia]. M.: RCOIT. [in Russian]

Filippov, 2016 – *Filippov, O.A.* (2016). Protivorechiya globalizacii i interesy mezhdunarodnoj i nacional'noj bezopasnosti [Contradictions of globalization and the interests of international and national security]. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. № 12. [in Russian]

Jessup, 1949 – *Jessup Ph.* (1949). A modern law of Nations. N.Y.

Kofi Annan, 2014 – *Kofi, Annan* (2014). The problem of intervention. New York.

Lukashuk, Shinkareckaya, 2003 – *Lukashuk, I.I., Shinkareckaya, G.G.* (2003). Mezhdunarodnoe pravo. Elementarnyj kurs [International law. Elementary course]. M.: Yurist. [in Russian]

Movchan, 1982 – *Movchan, A.P.* (1982). Prava cheloveka i mezhdunarodnye otnosheniya. [Human rights and international relations]. M. Izdatel'stvo «Nauka». [in Russian]

Samovich, 2007 – *Samovich, Yu.V.* (2007). Pravo cheloveka na mezhdunarodnuyu sudebnuyu zashchitu [The human right to international judicial protection]. Avtoref. diss. ... dokt. yurid. nauk. Avtoref., Kazan. [in Russian]

Ushakov, 2000 – *Ushakov, N.A.* (2000). Mezhdunarodnoe pravo: Uchebnik [International Law: Textbook]. M.: Yurist. [in Russian]

Zimnenko, 2006 – *Zimnenko, B.L.* (2006). Mezhdunarodnoe pravo i pravovaya sistema Rossijskoj Federacii [International law and legal system of the Russian Federation]. M.: RAP; Statut. [in Russian]

Права некоторых наиболее уязвимых групп в международном и национальном праве

Сергей Евгеньевич Смирных ^{a, *}

^a Российская ассоциация международного права, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются права некоторых наиболее уязвимых групп населения в международном праве и национальном законодательстве. Отмечается, что права наиболее уязвимых групп населения как разновидность прав человека существуют на уровне государств. Осуществление и защита прав наиболее уязвимых групп населения является насущной проблемой как для всего международного сообщества, так и для отдельных стран. Взаимодействие международного и национального права в области прав наиболее уязвимых групп населения осуществляется с целью удовлетворения социальных интересов.

Одной из проблем защиты прав наиболее уязвимых групп населения является необходимость активизации усилий по искоренению всех форм насилия в отношении женщин детей. В условиях глобализации права инвалидов также имеют большое значение как для отдельных государств, так и для всего мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: международное право, права наиболее уязвимых групп населения, искоренение всех форм насилия в отношении женщин, права детей, права инвалидов, национальное право.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: marya_babanova@inbox.ru (С.Е. Смирных)